

КИРИЛЛ ШИШОВ

«ГРОЗА
ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

(записи в стихах и прозе)

*Гроза двенадцатого года
Настала... Кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?*

А. С. Пушкин,
«Евгений Онегин»
Десятая глава, стих III

г. Челябинск
Цицера
2013

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)
Ш65

Ш65 **Шишов, К. А.**
«Гроза двенадцатого года»: записи в стихах и прозе / К. А. Шишов. — Челябинск : Цицеро, 2012. — 211 с.

В оформлении обложки использован эскиз медальона в память военных событий 1812, 1813, 1814 и 1815 годов, созданного графом Фёдором Петровичем Толстым.

© Шишов, К. А., 2013.

СОН НА 1 АПРЕЛЯ 2012 ГОДА

Огромный поезд с мостовыми стальными балками, который мы сопровождаем как инженеры. Грузим приборы и свой багаж. Я иду тяжело с ношей и прибором — микрометром в картонной упаковке. Лезу, лезу — добрался до верха, сложил пожитки, портфель, барсетку с деньгами и... забыл микрометр... Побежал вниз, на тот поворот, площадку, а поезд вот-вот двинется.

Как бешеный, спускаюсь, хватаю прибор в коробке — успеваю, только спутав лестницы... Вылезаю — не тот выход. Здесь — громады балок и плиты из ж/б... Хожу в ужасе, вижу — бабы-сварщицы, иду за ними.

Поезд идёт быстро, но я — в нём. Ура! Найду свой отсек — вагон... Вылезает главный инженер, говорит о... новой пластической схеме расчета, о том, что везде раньше недогруз (1200—1600 кг/см²), а надо сэкономить, до 2000! кг/см² грузить...

Мы — первые будем! Я рад, я найду себя, я доведу до пластики... Ура! И, вдруг, опять теряюсь, за чем-то спускаюсь вниз, поезд уходит без меня...

Я — без денег, отстал, на старой деревянной теперь лестнице... В ужасе, как дети... Без меня... А Мила-то умерла, а дети без отца...

В страхе и поту просыпаюсь...

Это — предсмертные сны? Это — ощущение ухода из жизни с насыщением ужасов и реалий

инженерной практики, видимо — неискоренимы из подсознания.

А мне уже — восьмой десяток, и вчера в Москве умер мой давний знакомый, крупный начальник Дорстроя Олег Николаевич Андреев, муж знакомой гордой спесивой Люси Андреевой — приятельницы Натальи Захарченко.

Он, видимо, и успокаивал меня во сне, как авторитет, что от поезда я не отстал... А он сам был всегда озабоченно-усталым и имел несколько инфарктов, попадал в автокатастрофы и т. д.

Этот сон сопровождался жуткой тревогой с одновременной уверенностью, что на деле всё не так, всё лживо, но безумно тревожно и жалко всех, всех, но себя особенно... Это юное чувство, смешанное со старческим предощущением близкого конца.

Напоминает «Смерть Ивана Ильича»? или ещё что-то из Толстого... Видимо, суждено всё ближе и ближе соприкоснуться со сгустками такой длинной, насыщенной стройконструкциями жизнью...

Ни пейзажи природы, ни берега рек, по которым плавал с любовью и отдохновением, а именно тесные, пыльные, чудовишно громадные стальные балки, швеллера, арки — всё громоздится во снах, приводя в трепет от бессилия перед ними моей крошечной личной судьбы, дыхания и даже пищеварения... Всё время — тревога, тревога за семью, крошечных детей. Боязнь потеряться, как было в Испании в прошлом 2011 году в мае, когда ужас

реально (в храме «Святого Семейства») поразил меня простотой потери ориентации в Барселоне...

01.04.2012 г., 5-30 утра,
Челябинск, в доме своём

МАШИНА КОСИЧКА

Почти четыре года, поставив её спиной ко мне и обхватив, чтоб не дёргалась, её своими коленями, я учился делать ей хвостик из волос с помощью разнокалиберных цветных резиночек. Расчесывать волосики у девочек, чтобы не было им больно, я научился ещё на дочери. Но это было почти тридцать лет назад, а вот с резиночками было внове. Я путался в собственных пальцах, то оттягивая указательным, а прихватывая безымянным, то наоборот. И всё равно часто образовывались вихры, петли из отдельных волосиков, а иногда — и полная измятость и безобразии причёски юной принцессы...

И вот, не видя Маши с неделю, я снова получил её на двое суток с ночёвкой из-за болезни. Утром она заявила: «Я сама сделаю хвостик. По-китайски... Хочешь — научу». И, ловко закинув локти выше головы, мгновенно сделала длинной голубой резинкой... красивый узелок из своих уже порядочных волосиков...

Ей исполнилось пять с половиной лет. А я и не заметил, как она выросла...

02.04.2012 г.

МОЙ ГОРОД

Место оскорблений и обмана,
Место славословий и надежд...
Город дал поистине немало,
Приподняв опушенность у вежд...
Сколько в нём напыщенных невежд,
Как сюжеты некоего романа,
Как непробиваема в нём брешь
Будущего тихого тумана...
Золото осеннего костра
В нём животворит и утешает,
Словно моя добрая сестра
Рыбным расстегаем угощает...

Радуга всегда семи цветов...
Семь его холмов — вот мой остов...

02.04.2012 г.

ПОСЛЕ КАРАБАША

К нам приехал Губернатор и сказал: Если Вы ещё хоть раз скажете публично, что Ваш регион терпит экологическое бедствие — Вы не получите ни копейки дотации из областного бюджета.

И мы заткнулись, ибо в тот день заводы не выбрасывали дым в трубы. Впрочем, так было и позавчера, когда приезжал Лукин — олдбудсмен по правам человека. Он объехал завод,

где прекратились выбросы на ночь, и внутри за оградой что-то высматривал и общался... Но с народом даже не встречался нигде. Даже в клубе города.

Я хорошо помню, как в 1980-е годы, получив по подписке «Один день Ивана Денисовича» в роман-газете, мы поимели визит участкового, который изъясил этот выпуск у нас... Видимо, на почте дали адреса и по циркуляру велено было изъять эту «антисоветчину».

Но режим уже ничто не могло спасти...

03.04.2012 г. (из рассказов сотрудников
Карабаишской городской библиотеки)

ГОВОРIT ДИРЕКТОР БИБЛИОТЕКИ:

Мы привели к Вам на литературную беседу лучший класс — 11-й, как мы говорим: «Говорящий класс». У них — лучший учитель литературы и у нас — их клуб. Даже выборы Президента страны с ними проводили... И программы, и команды были, и защита, и выборы...

Это дети — звезды, как мы их называем. А далее идут «молчуны», не умеющие говорить и вести диалоги, самые простые.

Такова тенденция времени. Ходят к нам — только пожилые, особенно — на женский клуб. Еженедельно, и то им мало...

Такова картина времени.

03.04.2012 г.

Ромашка белая
Лепесточки нежные
Мне дороже всех цветов,
Ведь она — моя любовь.

Народная песня Южного Урала

От Милютина:

Воробей — это «вора бей», что зерно
ворует у крестьян после обмолота...
«Сословие» — это сообщество людей
одного языка — «со словом» люди!

ПОСЛЕ РАЗГРОМА СТЁКОЛ

(в деревенском доме моём)

Сколько прожито в мире безумья,
Сколько видано подлостей зла,
Где нельзя и подумать разумно,
Как страшны Человека дела,
Мир сгорает как будто дотла,
Словно кит, поражённый трезубцем;
В глубину он уходит, где мгла,
Невиновности полна презумпций...
Но кончается тут кислород
И дышать невозможно в глубинах,
И всплывает к поверхности вод
Он — израненный и невинный...

И его добивает гарпун,
Приближается смерти канун...

11.04.2012 г.; 6-30

Выбито пивными бутылками сразу 5 окон

* * *

Дары веселья юности моей —
Благословенье беззаботных дней,
В тоннеле жизни долгой маяки —
Как Вы теперь прекрасно далеки...
Но как близки мне внученьки глаза,
В которых часто светится слеза,
А ручки держат лёгкий гребешок,
Расчёсывая каждый волосок...
«Вот стала меньше лысинка твоя», —
Мне говорит красавица моя,
И вдруг целует в темечко меня,
Всю прелесть мира словно сохраняя...
11.04.2012 г.; 6-40

ДВЕ ДЕВОЧКИ

Две девочки, две внученьки мои
Шебечут, как весною соловьи,
На юбилее бабушки своей,
Что тридцать тысяч отмотала дней...
Обеим им раз в десять меньше лет,
Но как прекрасен их сиянья свет,

Стишки и песенки негромкие вразлад,
Движенья танцев, музыке впопад,
Блестящих туфель пряжки — огоньки
И платьев расклешённых ремешки...
Сидят вокруг, уставшие от бед,
Смотрящие себе самим во след
Старухи и седые старики,
Живущие потерям вопреки,
И чудится им жизни слабый смысл
В сравненьи этих девочкиных числ,
А девочки, уставши от насад,
Пьют, запыхавшись, вместе лимонад...
11.04.2012 г. Вспоминая 80-летие Ирочки
в ресторане «Сова» 17.03.12.

НАЕЗДНИЦА (триптих)

Ф. С.

* * *

Она лежала, отмахав со мной
Как будто триста вёрст галопом скачки,
И опалил обоих ярый зной
Почти испепеляющей подначки...
Быть не могло на этот раз иначе:
Она была наездницей лихой,
А мне настолько выпала удача —
Я был конём да с гривой расписной...
И, гривой тех волос лицо опутав,
Я мчался в молодость. В те давние года
Бывали где блаженные минуты,
Которые я помнил навсегда...

О! Молодость апрельского сиянья,
Когда подстать любые расстоянья...
11.04.2012 г.; 24-00

* * *

Когда подстать любые расстоянья,
Когда кураж мне голову кружил,
Я вспомнил то волшебное сиянье,
То обаянье искренности лжи...
Пусть далеки те счастья рубежи,
Но зрелость — это тоже достоянье,

А мудрость придаёт ей обаянье
Почти у смертной горестной межи...
Пусть на закате солнце село в тучи,
Пусть звон в ушах, как колокольный звон,
Но в этой скачке я погибну лучше,
Наездницы улавливая стон...

И только так! Степная даль пространства
Мне даст простор для озаренья странствий...
12.04.2012 г.; 0-25

* * *

Пусть даст простор для озаренья странствий
Мне долгий век, что за моей спиной,
Которому я не был иностранцем,
И с этой степью жил судьбой одной...
Я вскормлен этой зеленью родной,
Я навсегда отвергнул окаянство,
Меня околдовало постоянство
Спокойных рек с прозрачною водой...
И потому вся стать моя упруга,
Что я не знал всесилы узды,
И потому наездница-подруга
Так сладко стонет в посвисте езды

Мы с ней одной и масти, и породы,
И что такое эти наши годы...
12.04.2012 г.; 0-45

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

(триптих)

* * *

Пасхальной ночи никогда не зная,
Я выдумать бы мог Тебя, как хочешь,
Наложницу как выдумал зуав
Иль Эвридику выдумал заочник...
Но ты явилась Девой непорочной
С такой улыбкой на своих устах,
Что воскресён тобой волшебным нравом
И что-то происходит в тьме полночной...
Не понимая, как распятым встал,
Я воспарил с тобой над той гробницей,
Когда блестящих глаз кристалл
Мне засветил сквозь тонкие ресницы.

И Дух рванул в такую высоту,
Где только звезды в космосе растут...

* * *

Как только звезды в космосе растут,
Из Хаоса рождая обновленье —
Так я парил незримо в высоту,
Не понимая сущности явления...
Доступно лишь тому Преображенье,
Кто накрепко был пригвожден к кресту,
Любовь тому подарит воскресенье,
Кто сохранил восторга простоту.
Святая ночь дана в году однажды

Воистину во имя тех минут,
Чтоб прах в былом преодолеть отважно
И пригубить бессмертия сосуд...

Пусть мы — не боги. И уйдём мгновенно —
Но в эту ночь и я восстал из тлена...

* * *

Да, в эту ночь и я восстал из тлена,
Хоть край обрыва ошугил стопой,
И ликование утра постепенно
Хорал напоминало неземной...
Запели свиристели над рекой
И соловей опробовал колена,
Колол старик ухватисто полено
И почки лопались у вербы под корой...
Все проходило странно-обновлённо:
Зазеленели тополя в дали,
И заново природа из пелёнок
Рожидала воскрешение земли.

И ты мне улыбалась так безгрешно,
Как будто пала в вечность тьма кромешна...

15.04.2012 г.; 23-00

После ночи в Варламово

СТАРЫЕ КНИГИ ЮНОСТИ

Какое счастье книги старые читать
И от восторга и от боли причитать,
Ловить сюжеты, кои в юности читал
И только долю сотую познал...
А ныне... Ныне, с сединою в волосах,
Сокровище открыл в простых словах —
В пословицах, в намёках, в чистоте,
Где лик природы писан в красоте,
Где диалог влюблённых горек так,
Как жизнь твоя, что ты прожил, протак...
Особенно мне дорог мой Урал,
Который так бездарно я познал,
Что горько за свои в былом года,
В которых утекла кипень-вода...
И всё же сладко, как хорош язык
Любимых книг, к которым я привык,
Сливаются и детство, и судьба,
Когда я вслух читаю те слова...

Читая, в который раз «Хлеб» Мамина-Сибиряка

Год изд. 1949. ОГИЗ — Худ. лит; тираж 100 тыс. экз.

На книге надпись: «Из книг Алфеевой Н. В.; 28. II.54 г.»

* * *

Как чудесна череда
Суток. И зимы. И лета...
Яснокрылая беда
Бродит, медленная, где-то,
Но её прогонит луч
Солнца, ясного, как сказка,
Снова бодр ты и могуч,
Ждёт тебя любовь и ласка.
19.04.2012 г.; 24-00—0-45

* * *

Засохшей яблони скелет
Сжигая в бочке сук за суком,
Как памятник ушедших лет,
Ненужный детям и ни внукам,..
Добрался я и до ствола,
Что плесенью оброс с грибами...
И вдруг... О, Господу хвала:
Побег увидел под ногами...
Он вырос снизу меж корней,
Как внук мой, ростом не обижен...
Закономерность жизни сей
В одно мгновенье стала ближе...
20.04.2012 г.; 1-15

Внучка Маша (по телефону): Деда,
я люблю тебя...

Я: А я тебя тоже..

Она: Нет, я больше тебя люблю...

Я: Ладно. Давай посоревнуемся...

Тогда же.

ДРЕВНИЙ ТОННЕЛЬ

(новелла)

Предстояло писать книгу о том городском районе, где я родился и вырос. Раньше он назывался Железнодорожным, а теперь кличут его Советским (кстати, единственное упоминание о Советах на городской карте)...

Его основа, конечно, Транссиб, с конца позапрошлого века. Надо было разобраться, почему вокзал так далеко проходит от центра города, построенного за столетие до проведения дороги, на берегах и холмах тихой золотоносной речки между сосновым бором и степным пространством.

А вокзал и вся станция — в пяти километрах. По тем временам — страшно далеко, и вокруг — густой березняк, по немощёной дороге, где коняги-доходяги тащили гнусного вида колымаги и рыдваны, всегда оскорблявшие меня фотографической убожеством.

Теперь, конечно, есть и трамвай, и асфальт, и полностью обстроенные велико-этажные грома-

дины (кстати, осталось одно незастроенное место почти против моего родительского дома: и вся ленивая застройка этого фрагмента района — на моих глазах шла целых семьдесят! лет).

Глядя на карту и соображая, как профессионал-строитель, я к годам тридцати уже догадался: дорогу вводили от крупной реки с половодьем и топкими берегами; поэтому опирались на твердые граниты горного края, пока могли. Я знал, что в полусотне километров от города с запада путь проскользнул уже между двух озёр — Елового и Чебаркудя, где перешеек — всего сто метров!

Ясно, что после, миновав наш вокзал, стальная трасса круто поворачивала от реки, уходящей на север, к Ледовитому океану. А трасса рванула на восток — к Омску и Тихому океану... И прокладывал её мудрый Николай Георгиевич Гарин-Михайловский, инженер и любимый мною писатель...

Но как же путь проскользнул между окружающими с востока город многочисленными озёрами — островками древнего моря, судя по их солёности и взаимному перетоку вод.

И вот, опять по карте, нашёл я узкий перешеек меж озёрами Шелюгино и Вторым; но было неясно — на одних картах — там вода под магистралью, а на других — суша...

Может быть — там мост, да не один, думал я, глядя в «Атлас Большого Урала».

Решил поехать на машине, благо это уже не отечественная малолитражка (их у меня побывало целых пять по очереди за три десятка лет), а американский джип. Взял с собой школьного друга — знатока района, и, конечно, заинтересованного: он-то никогда не задумывался над этой проблемой.

И вот мы стремительно пролетели, слегка ошибаясь и корректируя трассу, через Копейск до Потанино, где, естественно, был тупик автодороги прямо возле железнодорожного разъезда, где справа — тюрьма с колючей проволокой над железобетонным забором, а слева — пространство озера Шелюгино. По карте там, якобы, водились окунь, плотва, лещ, карп, карась и судак, но озеро пахло так отвратительно, что напоминало сточную ёмкость. Жижехранилище — говоря казённым языком.

Наконец, вот он — стальной путь Транссиба, вырвавшийся из города на Восток. Кончился асфальт, началась рядом с насыпью некая земляная трясушка с ухабами и мусором. Пахло все хуже и хуже, да и понятно: прибыли на очистную станцию 1950-х годов, судя по ветхости строений и бульканью воды в стальных ржавых ёмкостях...

Мы поднялись по лестницам на отстойники и замерли: трасса шла по высокой щебёночной насыпи высотой метров двадцать, длинным полукругом вдоль озера. Видны были где-то вдали

решётчатые мосты, кирпичные трубы городской теплостанции № 3 на Метзаводе — и что-то загадочное в основании насыпи...

Первым догадался мой друг: «Там — тоннель. Вода уходит во Второе озеро несомненно! Давай туда!». И помчался вниз, к машине-вездеходу.

Глядя на уклон дороги, я поехал медленно. Потом, увидев встречного, спросил: «Что там — тоннель под насыпью?». «Конечно», — ответил мужчина. «А проехать по воде дальше можно?». «На такой лайбе запросто», — ответил он и ушёл по своим делам. Но я решил не торопиться. Когда подъехали к концу сухопутки, увидели мужчину, моющего «УАЗик». Крепкий, ловкий шофёр охотно рассказал, что Шелюгино появилось не так давно, из-за перетока городских стоков. «А до этого было здесь болото, когда я был пареньком. И рыбы в нем никакой сроду не было, а запущена будучи, она задышалась от промерзания мелкого водоёма, но иногда, в тёплые зимы, умудрялась вырасти прилично до середины лета... И тогда мы пацанами её, вправду, вылавливали. А дорога вдоль насыпи и тоннеля всегда была, пока я здесь милиционером отслужил вот — до пенсии. Сорок лет стажа!»

Я поднялся на насыпь — и восторженно замер: просторы озёр Второго и за ним Первого — уходили вдаль на десятки километров. На озере плавали утки целыми стаями, кружила одинокая серая цапля и вдали громко стучали по шпалам

другой ветки — на север — громадные длинные составы электропоездов.

Это было ключевое место развязки двух дорог — восточное Транссиба и северное — Каменск-Уральского направления (на Тюмень и Екатеринбург). И держала дорогу на Океан великоколесная, каменной кладки, насыпь, под которой шёл пятидесятиметровый тоннель из тёсаного гранита на водостойкой цементной! кладке. Этот цемент был изобретен в середине XIX века, и на Урал пришел ровно в 1890-е годы.

Значит, служит тоннель для пропуска вод, сначала — талых по весне, а потом — круглогодичных; служит он более столетия, хотя грузоперевозки за это время выросли в десятки раз.

Последнее я знаю по смене мостов, коими занимался лет тридцать назад по всей родной дороге Южно-Уральской.

Мосты сменились, локомотивы — тоже, а тоннель остался как новенький.

Он помнил самого Гарина-Михайловского! И вот мы тоже познакомились с его инженерным шедевром — Ключевым сооружением, определившим судьбу железнодорожного района, где я вырос и дожил до восьмого десятка.

«Да здравствует Человек-строитель», — думал я с восторгом.

20.04.2012 г.; 2-00

«ЧЕРТОПОЛОХ»

(к/ф Джек Николсон и Мэрил Стрип)

Фильм гениальный, полный трагедией нашего поколения — шестидесятников Америки, ушедших из благополучия (Веничка Ерофеев?) в бомжи и спившихся с проблесками мудрости и сострадания, но пьяные — окружены своими невольными упреками совести, предательства и напрасной самоотверженности.

Мэрил Стрип играет подружку Героя — певицу эстрады (как Гурченко, которую я видел и знал в такие минуты упадка 1970-е годы). Её героиня погибает над чемоданами своей славы, былых побед и отчаянья сейчас...

Вспомнил Борисова Сергея — в год смерти Милы он приезжал внезапно ко мне, пил и плакал, вспоминая Отца — инженера танковых дизайнов, бранил эпоху и просил водки... Я не дал — и он уехал за мой счёт к жене и дочери... Очень похож на Николсона в этом фильме...

С. Борисову

МОЕМУ ГЕНИАЛЬНОМУ ЗЕМЛЯКУ

Способны ли мы понять самих себя...
Мне кажется, что кое-кто способен...
Но это бесполезно для ребят,
Которые уже живут особо.

«Подумаешь — великая особа —
Тот скажет, ключ машины теребя. —
Иди отсюда, про себя трубя,
На это только ты один способен...
Не одолеть разрыва наших лет.
Есть у детей кругом свои заботы,
И только детства незабвенный след
Их клонит на пустые анекдоты...

Поэтому храни свою судьбу,
Пока не замер ты один в гробу...

22.04.2012 г.; 0-30

*26 мая — 47 лет Алёше. А 28 мая —
умер в Москве мой замечательный, уникаль-
ный друг аспирантуры (с 25 лет
до 70! Прошло, пролетело, как лист, 45!!
лет) и последующих долгих лет — Алек-
сандр Сергеевич Никольский — знаток и
романтик паровозов, а с начала 1970-х —
побратим по сохранению технического
наследия. Умер после работы по рестав-
рации своего десятиго паровоза. Алёша
ходил на кладбище и положил венок от
нас с ним...*

*Мой мудрый сын ему обязан судьбой...
30.04.2012 г.*

* * *

Как я люблю сжигать ушедший год
В весенний день апреля в огороде,
Когда на небе солнце жёстко жжёт
Пустую землю, где сорняк восходит...
Чудит огонь, хоть в бочке, на свободе,
Трешит сушняк и обжигает пот,
И образ прошлого за мною бродит,
Как этот серый и голодный кот...
Он вылез из кустов и ждёт подачи...
Ему налью, пожалуй, молока,
Но пусть не жаждет от меня потачки,
Я сам облез и польсел слегка...

Мы оба зиму прожили в мученьях.
Быть может, лето даст нам облегченье...
23.04.2012 г.; 0-30

* * *

*С Флюрой и Шехтманом были в Ач-
хикуле — её родном селе под Бродокал-
маком. Огромные пустые пространства.
Равнина с озёрами, разрушенными старин-
ными строениями, села, полные ужаса от
катастрофы бытия...*

Запись 9 мая 2012 г.

ЧИТАЯ МАТЕРИ ДНЕВНИК

(ночной триптих)

* * *

Читая Матери дневник,
Себя со страхом вспоминаю:
Каким я был в тот каждый миг,
Что мне теперь подобен раю...
Я молодость свою не знаю,
Но горек в прошлом каждый блик
Незрелой совести улик,
Что мать сносила, понимая...
Как топчем мы своих родных,
Как невнимательны и слепы,
И как раскаяньем полны,
Когда их посещаем склепы...

Но именно тогда, давно,
Зачем мне было всё-равно...
12.05.2012 г.; 3-10

Прочитав её записи 1979—80 гг.

* * *

Зачем нам* было всё-равно:
Болезни их и их заботы,
В слепом отчаяньи работы
Мы были с бытом заодно...
Нам были дороги кино,
Друзей пустые анекдоты,

* Здесь и далее говорится обо мне и моей жене Миле.

И попадали мы в тенёты,
Как мухи, бьющие в окно...
И, как бы ни были условны
Гостеприимство и пиры —
То были их каменоломни
На рабстве жизненной игры...

Мы ничего не замечали.
Ни их тоски. Ни их печали.
12.05.2012 г.; 3-30

* * *

Ни их тоски. Ни их печали
Не замечая у родных,
Мы и себя не замечали —
Враждующих и часто — злых...
А нынче — память бьёт под дых,
Косноязычно обличая,
Что мы их жизни сокращали,
Таких усталых и седых...
Но — горе... горе неотвязно
В любом веку. В любой судьбе,
И безответственность соблазна
Теперь я вижу по себе:

И мне под старость эта участь —
Чтоб жил, заботами измучась...
12.05.2012 г.; 3-45

МОЛИТВА О ПАМЯТИ МАТЕРИ

Жизнь вечная тебе дана,
Пока я жив и даже далее,
Поскольку в письменных скрижалях
Хранятся наши имена...
Тобой описаны детали,
Детей начальны времена,
И как жила тогда страна,
Исполнена тоски-печали...
Ты описала скромный быт
И битвы честности с неправдой,
Разбор семейных неурядиц
И непорядочности стыд...

Пусть поколения потомков
Души твоей узнают скромность...*

ИЗ ДНЕВНИКОВ МАМОЧКИ ОТ 1982 ГОДА

Сегодня, 29 января 1982 г. закончила перепись писем Алёши — 55 писем вместе с последней открыткой, написанной от 2 сентября 1943 года (впоследствии оказалось писем и открыток 62 в книге «Антология» Литературное наследие. Челябинск, 2010).

* Дневники моей Матери будут храниться в фонде Р-233 областного архива. Дело № 783 опись 1 на 122 листах.

Интересная история с этой открыткой: я её носила с собой всегда, не расставаясь длительное время. В те годы... Потом однажды в трамвае у меня вытащили её из сумки. Это было время, когда летом (1953 г. — К. Ш.) в городе были выпущены из тюрем амнистированные по какому-то поводу заключенные (смерть Сталина использовал Берия с целью захвата власти — К. Ш.).

У меня вытащили деньги вместе с частью документов (путевка Ирочки в пионерлагерь и др.), в том числе — последняя открытка Алёши с фронта...

Путевку Ирочке я возобновила, а больше всего я была огорчена пропажей открытки — дорогой мне несказанно...

И что же дальше... Спустя некоторое время я получаю по своему адресу извещение, что найдены открытка и др. документы, которые можно получить по указанному адресу...

Я сходила туда — и узнала, что человек нашёл случайно эти документы во дворе, брошенными около мусорного ящика. Он случайно (?! — К. Ш.) поинтересовался этими материалами — нашёл открытку с фронта, и... добрый человек подобрал и сообщил мне!..

И так моя дорогая открытка Алёши опять вернулась ко мне...

Я её храню в своих ценных документах...

Последнее письмо Алёши потрясает его размышлением о будущем своих детей — Кирой и

Ирочкой... Сына он хотел бы видеть писателем, а Ирочку — как он считал с наличием фантазии в интеллекте — или артисткой или... тоже писательницей.

Ну, из неё получился прекрасный педагог и учёный, она защитила диссертацию — она доцент института! Она — не средний человек, во всяком случае...

Ну, а про Киру — пока ещё не все сказано: он хочет и может быть писателем... Во всяком случае, он тоже много успел за свои 40 лет! — у него есть сын и дочь — и жена... Трудная, но интересная, содержательная, сложная жизнь и у него... далеко не средний человек...

Во всяком случае, я думаю, что если бы Алёша мой увидел сейчас, спустя сорок лет после своей гибели в 39 лет.. все то, что достигли мои дети — наши с ним дети... Я думаю, он был бы доволен тем, что я смогла сделать в свое это время с ними...

Думаю, что смогла сделать за свою оставшуюся после его ухода из жизни довольно много...

Правда или нет? (подчеркнуто мною — К. Ш.)

Я же считаю, что вся моя жизнь была озарена лучом его со мной жизнью.. тоже подчас очень горькой, и счастливой одновременно...

Этот свет помогал мне переносить великие трудности и в годы войны, и в последующие годы...

*Как долго ждала я его возвращения. Как
долго в памяти моей сохранялись чувства
к нему, верность к нему. И память пле-
нительного счастья...*

О, Боже... Наверное, эта любовь — и верность —
и помогла мне жизнеутверждающе, не смотря на
всё — сохранить свои чувства перенося их на
моих дорогих детей, а теперь и на их внуков!

Да будет благословенна его жизнь... и моя
судьба — несмотря на всё то, что пришлось пере-
нести в своей и светлой и тяжелой жизни...

Дневник № 4 с 07.06.80 по 01.02.82 г.

(117 страниц)

ДРЕВНИЙ СОБОР В КЫШТЫМЕ

Кыштымско-Карабашский узел —
Как оскорбление земли
С самой бездарностью в союзе
Чудовищной и подлой тли...
Кыштым и Карабаш... Урала
Неимоверно дерзкий взлёт
С чудесем редкого металла
Почти космических высот...
Как оценить тебя — гремучесть
Переплетенья зла и снов,
Раскольничья святая участь —
И спесь обманутых сынов...

Клубок из ядерной помойки,
Полуотравленной дотла,
Помноженной на чудо-стойкость
Почти волшебного тепла...

О, Родина моя нагая,
Обкраденная, как собор,
Что высится, светло сверкая,
В Кыштыме. В центре. До сих пор...

22.05.2012 г.

*(Посетив храм Сошествия Свято-
го Духа на острове в Кыштыме, после
40 лет его забвения и возрождения, а ря-
дом Белый Дом Демидовых Расторгуевых
почти уничтожен бездарной и воровской
реставрацией... Памятник Калинин у пе-
ред бетонным, вечным уже, забором, а до-
ска о Менделееве украдена, а Горы над
водохранилищем пруда очаровательно-
изящны, а Николаевский храм в Н. Кыш-
тыме — воссоздан с Колокольной, как чудо,
а Храм Рождества Христова великолепен
и на первом, и на втором титанических
этажах... О, униженность и былинность
этого великолепного угла моего родного,
неизбывно-трагического края детства,
юности, поэзии и красоты... Как всё пере-
плетено...*

*Был с Флюрой и Машей 22 мая
2012 года).*

* * *

Сирень мгновенно отцветает,
Как признак быстрых наших дней,
И с ней мгновенно замолкает
В любви безумной соловей...
Могучие святые липы
Полны прохлады и тоски,
Как будто древние молитвы
Незримой вечности реки..
Кыштым — величия гравюра,
Кыштым — былина прошлых лет,
Изящной мудрости натура,
Святого Духа ясный свет..
Да будет всё благословенно:
Упорство предков, сон веков,
И молодость, что дерзновенно
Крушит деяния отцов...

23.05.2012 г.

На берегу пруда в Кыштыме.

ДРЕВНЕ-ВИЗАНТИЙСКОЕ

(нетрезвая запись)

Дёргаются пальцы ног... Холодно... Одиноко...
Какое-то ощущение одиночества... Это Империя...
Уникальная. Одинокая. Взыскующая. Против
норманнов.. Против крестоносцев. Одна в мире.
Против тюрков... Это Византия. Одна. Накануне
гибели... Плач. Судороги... Не знаю. Не пони-
маю... Путин... США... Сирия... Опасность... XXI

век... Флюра исчезла... Я пьян. Люблю... Кого — не
знаю... Флюру... Её грудь... Её чресла... Россия оди-
нока... Америка. Авербах. Лера... Мой жребий...
Всегда против всех. Венеция — грабит. Генуя —
грабит. Плач. Алёша в Испании... Доволен. Знает,
что Венеция грабила Царь-Град. Греки накануне
дефолта. Это май 2012 года. Что будет? Крах
Евросоюза. Я пьян. Флюра — у мамы. Люблю её
чресла. Она — татарка. Я — русский. Бесконечно
люблю татар... Конец связи...

25.05.2012 г.

ВИЗАНТИЯ 2012 ГОДА

Одна. Покинута. Уныла...
Маня. Византия. Одна.
О, Византия, Капитула...
Турецкая вокруг резня...
Стоит вокруг стезя полдня.
Пусть десять тысяч лет минуло,
Я чувствую потуги стула,
И это — горе для меня...
Что будет с Национаей. Унынье.
Все умники — за рубежом.
Лишь совершает благочинье
Поп, что проказой заражён...
Одна. Причудлива. Сарказмом
Слегка вотще вооружены,
Всё помышляем мы о разном,
Сыны погибельной страны...

А Флюра где-то неизбежна,
Как Византия — порубежна...

24.05.2012 г.

*После банкета 20-летия эконом. факультета
ЧПИ—ЮУрГУ*

О ФЛЮРЕ

Когда исчезла в мире Мила,
Когда взалкал я, одинок,
То Провиденье применило
Ко мне спасительный урок...
Есть тайный женщины манок
Испытанная с древле сила —
Пусть за спиной была могила,
Я был заброшенный сынок...
Но Флюра царственной осанкой
Меня спасательно взяла,
Снабдивши скатерть-самобранкой,
Всё сжёгши прошлое дотла...
Припал я к этой мягкой груди,
Взорлил я, прошлое забыв,
Мужчина — это просто студень,
Трепещущий эпох надрыв...

24.05.2012 г.

*После банкета 20-летия эконом. факультета
ЧПИ—ЮУрГУ*

* * *

Прославлена вовеки Флюра,
Моя богиня и судьба,
Изменчивая чья натура,
Не знает, что сулит мольба...
Молитва пусть моя слаба,
И долит жизни конъюнктура,
Зато сулит адвокатура
Мне участь стойкого столба...
Её во имя стойкость позы...
Её во имя честь судьбы.
И все мои метаморфозы —
Её пред участью слабы...

Она — залог и суть бессмертья,
И в ней — всесилье круговерти...

24.05.2012 г.; 20-30.

ФУРШЕТ 2012

Сплошные женщины участия —
От юности до седины,
Свидетели былого счастья
Судьбою дольной сведены...

25.05.2012 г.

* * *

О, кашель ежедневный Флюры...
О, раздраженье о деньгах...
Превратности её натуры
Я просто обращаю в прах...
Меня не мучит ночь и страх,
И, не считая её душой,
Блаженствую с её фигурой
В короткоствольных временах...
Не вычислить блаженства лет,
И даже месяцев и чисел,
Когда от женщины зависел
Мой чих. И выдох. И привет...

Я припадал к её разножью,
Как будто предок — к многобожью...
24.05.2012 г.

* * *

Худое тело. Утлые ключицы.
И впалый бледно-розовый живот,
И надобно такому приключиться,
Что это тело до сих пор живёт...
А надобно совсем наоборот —
Чтоб обморок со мной не приключился,
Мне надобно с судьбою обручиться,
Её приняв предвзятый оборот...
Ни в коем разе не молясь распятью,
Я должен быть обычным, как и все,

Спокойно принимая все проклятья,
Как василёк, пробившийся в овсе...

И это есть свидетельство о Боге,
В своём всё пребывающем чертоге...

24.05.2012 г.

*Флюра умыла моё лицо, как Магдалина —
ступни Ему...*

ТРИПТИХ КОРОТКОГО РАССТАВАНИЯ

* * *

Два сердца — чудное единство,
Доступное едва кому,
Поскольку так соединиться
Возможно только самому...
Мы — уходящие во тьму,
Не можем с этим примириться,
Поскольку не должна граница
Быть человеку одному...
Спасибо, милая подруга,
За мощь сердечного тепла,
За обоюдностью досуга
Растаяло всевластье зла...

А тут и чудеса Амура,
И древней чуткости натура...

28.05.2012 г.; 8-00

*Отъезд Флюры в город после 2-х дней
всех посадок*

* * *

Да, древней чуткости натура,
Что просыпается у нас —
Не эгоизма конъюнктура
И не расчетливости глаз...
Вплетён в страданье наш рассказ,
Где невозможна режиссура,
И переломлена дрессура
Закрытости бездумных фраз...
Нагими став душой и телом,
Исповедальностью полны,
Взыскующе — осиротелым
Порывом мы соедины.

О! Как прекрасна эта связка —
Как чаемая в детстве сказка...
28.05.2012 г.; 8-30

* * *

Как чаемая в детстве сказка,
Раскрытость прошлого житья,
Где и немислима раскраска,
И украшенье бытия...
Пусть жизнь у каждого своя,
Где печи известью обмазка,
Где по обязанностям таска
И униженья от жулья...
Но благовестье новых дней,
Сверканье глаз и хриплость речи,

Нечаянная радость встречи
Нас делает ещё родней.

И каждое прикосновенье
Нам помогает Провиденье...
28.05.2012 г.

ВЫБОР СУДЬБЫ

(цикл)

* * *

Есть Бог и Дьявол... Между ними — мы...
И в нас самих — такое же боренье...
Так глубоки в нас вросшие корни,
Что между ними мы растворены...
Ни днём, ни ночью нету тишины.
Мир не сулит в судьбе успокоенье,
То Бог даёт на подвиг вдохновенье,
То падаешь в объятья сатаны...
Великий Вождь ты будешь, иль подёнщик,
Высокий маг искусства иль мольбы,
Но каждый сам себе ты похоронщик
Или бунтарь, вдруг вставший на дыбы...

Неужто мы на выбор не способны —
Или для этого нам нужен дар особый...

* * *

Возможно, это нужен дар особый...
Вот Состраданье, как сказал Руссо:
Критерий самой высшей пробы.
Как кажется, что он содержит всё.
Не он ли — нашей гордости лассо.
Его не знают звери и микробы.
Он чужд высокомерия и злобы,
Он жертвы требует, немислимо-высок...
Наверное, он в мире неспроста
В духовной, жаром выжженной, пустыне
Явился в светлом облике Христа,
И к этому нас призывает ныне...

Но утверждается, что это был сам Бог,
А Человек бы этого не смог...

* * *

Другие уверяют: дух Познания
В анализе могучем Бытия
Превыше прописного Сострадания,
Как Волга шире слабого ручья..
И в этом тоже правда есть своя:
Энергия научного дерзания
Давно определила предсказанья
В комфортности и мощи жития..
На малом шаре тесно от народов,
И мусор в Космосе уже мешает жить,
И генетических не перечсть уродов,
И киборгами всем потомкам быть...

И потому от Дьявола признание:
Наука есть — змеиное деянье...

* * *

Подземные реки. Подземные клады —
Вот сказка языческих снов.
Природы награда. Природы отрада.
Я в это поверить готов.
Житейское море извечных трудов —
Семейная суть родового уклада.
Детей, опекающих старость, награда,
Умелая стойкость отцов...
И плавность любви, как подземная речка,
Незримая глазу лгуна,
Незримые клады таймы извечно,
Природа подобным умна...

А Дьявол и Бог в стороне остаются,
Когда эти чувства и разум сольются...
28.05.2012 г.

ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

(в конце мая)

Кричат младенцы с петухами
Крикливы также. Заодно.
Теленок, дерзок и нахален,
Мычит и тычется в бревно..
Стучит топор. Гудят моторы
Надрывны вопли воробьев,

Ритмичны топора повторы
И мык недоеных коров...
Внезапен голос перебранок
Подпивших к ночи мужиков,
И хохот в телефон пацанок
С цитатами цветистых слов...
Не слышно только соловьиных
Давно умолкнувших рулад,
А пух летает тополиный,
Как сотни лет тому назад...

28.05.2012 г.; 22-30

С. Варламово

РАССКАЗ МОДЕСТА ФОКИНА

Сын прекрасного, почти великого, местного художника, моего ровесника и друга, живёт в деревне, уже имея внуков и почти не встречаясь с отцом в городе. Ибо отец бросил двух своих сыновей давным-давно, и сыновья живут, поднятые матерью, своей жизнью — простой и непритязательной.

Модест — крепкий парень лет сорока — прибил к этой деревне, обитая в доме, купленном матерью, и перебивается подработками. Он — и пожарник, и могильщик, и рубщик, и пыльщик, и ремонтёр авто, и даже староста будущей церковной общины. Готов восстанавливать разрушенную в тридцатые богоборческие годы местную церковь. Если будут платить деньги, конечно...

А пока... рассказывает о недавнем пожаре где-то под Коелгой, где тушили почти пять гектар леса, а он был в кроссовках и чуть не обжёг ступни.

А до этого копал могилу и вместе с мужиками расчищал место под неё на старом кладбище. И там они переносили останки коллективного захоронения тридцатых годов: два ряда гробов, один над другим. И даже беременную бабу с младенцем переносили в коллективную яму... Гробы простые, но каждый — в отдельном ящике. Штук двадцать, один над другим. Видимо, в тридцатые годы от коллективизации, говорит он.

А деньги пожарные платят за час по сто пятьдесят рублей. За пару дней работы три тысячи заработал. И ещё бычка продал — теперь деньги на скважину отложил. Ходить за водой, вернее — ездить на мотоцикле — дорого, уйма бензина уходит, а внучке стирать надо много, воды не хватает. Вот скважину буду сверлить. А плотину весной как снесло половодьем — так по мосткам пешком ходим, а авто — едет вброд. А мотоцикл не проходит — вязнет в песке. Трудно жить, но ништяк...

28.05.2012 г.; 23-00

МОЛОКО РОССИИ

(диптих)

* * *

О! Молоко любимой родины —
Настой духмяных русских трав,
Её естественность природная,
Её великий кроткий нрав...
О! Сколько знаю я отрав,
Где этикетка чужеродная
И где навязчивость сверхмодная
Полна изысканностью прав...
Но ты — парная, горьковатая,
С полынью, тмином, лебедой,
Одновременно сладковатая,
Мне с детства ставшая едой —

Ты — величавая и тёплая,
Как степь пахучая, поблёклая...

* * *

Как степь пахучая, поблёклая
Где солнце жаркое палит,
Лишь изредка вдруг тучка мокрая
Под вечер влагой одарит...
И вот трава уже блестит
Колейдоскоповыми стёклами,
И стебли, бывшие жестокими,
Вновь стали мятными на вид...
Лежат бурёнки неказистые,
Как изваяния чудес

Как воплощение той истины,
Что дух Отчизны не исчез...

Мы все их молоком взлелеяны,
До глупости самонадеянны...
28.05.2012 г.; 23-30

ДОМАШНИЙ НАТЮРМОРТ

Бельё любимой милой женщины,
Разбросанное впопыхах —
Не признак шустрой деревенщины
Иль опоздания в часах...
То — соблазнения альманах,
Исподней прелестью увенчанный,
С уверенностью — не монах
Живёт, любовью отмеченный...
И персей чашечки расшитые,
И стрингов прозрачный ажур,
Колготок зелень малахитная —
Всё клонит душу к куражу...

Будь благодарен той невнятности
Судьбы во всей её превратности...
29.05.2012 г.; 11-30

СУХОЙ ВИНОГРАД МИЛЫ

Как прогревается земля,
Зимой суровой промёрзшая,
Чтоб вышел сеятель в поля,
Ведя штурвал рукою мощною —
Так и душа моя полнощная,
Теплом не искушаясь зря
И совесть холодом коря,
Отходит медленно, порочная..
И пусть шиповник весь в цветах,
Чьи корни ожили, согреты,
А виноград сухой, хоть лето,
Безжизненный являя прах...

Он так обжётся на морозе,
Как я, не веривший угрозе...
29.05.2012 г.; 12-00

с. Варламово

В ОЖИДАНИИ ТЕБЯ

Я в ожидании тебя
Листая записи бывшие,
Вдруг вижу списки тех ребят,
Что сгибли в годы фронтовые..
Далёких мальчиков помин —
Танкистов, лётчиков, минёров,
Не знать которым именин,
Не знать ни славы, ни укоров...

Зачем они попались мне
Из старых записей музея?
Чтобы напомнить мне извне
Не быть, не сметь быть ротозеем?
Ценить божественность минут?
Ценить с тобой грядущей встречи?..
Минует их и божий суд,
Но как их список в сердце вечен...

02.06.2012 г.; с. Варламово

*Читая список погибших в ВОВ, составленный
В. М. Пименовой, уже ушедшей участницы войны,
учительницы Алёши в 1970-е годы. О них я
написать тогда не успел.*

См. т. 2 «О людях, что ушли, недолюбив». С. 254.

А СБУДЕТСЯ ЛИ ЭТО...

(новелла)

Вчера, наконец, произошла ключевая встреча в администрации села Варламово — приехали священники — отец Георгий — благочинный миасского округа, красивый, чернобородый, с болгарским акцентом речи, и отец Павел — настоятель ближайшей кундравинской церкви, тихий, скромный, в очёчках, молчаливый и с добрым взглядом.

Встреча должна была закрепить создание церковной десятки в селе для восстановления разрушенной полвека назад церкви, существовавшей в селе более двух веков — с XVIII века.

Сколько усилий понадобилось мне, чтобы на столе сельского главы лежал проект этой церкви,

установленный по фотографиям и обмерам открытого фундамента, ещё крепкого, сложенного из массивных гранитных тёсаных плит.

История этого проекта растянулась для меня почти на четверть века, а если подумать — и куда более.

Мальчиком, быв в походе пятого класса, проходил я пешим ходом от Коелги с мраморным карьером через сказочной красоты Варламовский бор до деревни Варламово, где нас вкусно накормили свежей яичницей с луком и рассказали о селе — родине писательницы Сейфуллиной — первой в стране описавшей гражданскую войну, войну за свободу и справедливость.

Радость этого похода всегда жила во мне, а стихи, тогда написанные, получили премию «Пионерской правды», чем я гордился откровенно и радостно.

Именно поэтому любил Варламово издали, а потом — и купив с помощью сына целую старинную усадьбу в нём, с видом на милый бор, речку и далёкие горизонты с горами.

Узнав, что возле администрации стояла церковь — я возликовал. Уже не одну и не две удалось мне возродить к этому возрасту. О многих я писал рассказы, даже повести, а вот эта — Варламовская — стала для меня навязчивой идеей.

Деревенский мой, уже ушедший из жизни приятель Анатолий Павлович Курский — зам. главы села в прошлом, достал и старую фотографию,

и узнал имя церкви — Георгия Победоносца, и даже организовал письмо с полусотней подписей, с просьбой Губернатору помочь в её возрождении.

Но без проекта ничего поделать было нельзя, как и без юридического оформления общины. Курский страдал отчаянно: он был болен, перенёс много операций и передал дела другим, а затем — умер, так и не сделав реально ничего на этом Крестном пути.

Минуло ещё время. Местная учительница Наталья Васильевна Забелина, приехавшая в село из Литвы с мужем, создала в школе музей Сейфуллиной, нашла много документов и даже звуковые записи этой легендарной подвижницы слова. И вот она уговорила дочь, кончавшую дизайнерский вуз, сделать проект церкви. Съездив в архивы столиц (обеих), её дочь с мужем нашли, что церковь носила имя Богоявленская, что ранее на её месте была деревянная, а каменнокирпичную воздвигли лишь в начале XIX века, которую и называли также (возможно, это не так точно).

Проект делался три года — от сбора материалов, процесса вскрытия фундаментов, через курсовую и, наконец, дипломную работу.

Даже видеодиск показали они мне после защиты, от которого я пришел в восторг. Предлагали они и внутреннее оформление, и иконостас, естественно, в картинках.

Но время шло, сменилось руководство епархии, пришли новые люди. Владыка Феофан, с которым я встречался, отослал меня к своему помощнику — отцу Игорю, человеку образованному, историком и знатоку зодчества.

Когда я принес проект, он обрадовался, сослался на необходимость утвердить общину по новому уставу. И дело опять отодвинулось... на несколько месяцев.

Молодой староста общины — Модест Константинович Фокин — жил в постоянной борьбе за жизнь, нуждаясь во всём — от денег до работы, и всё никак не мог добраться до Миасского благочинного, который только и мог дать добро на общину по новому уставу.

И вот, наконец, встреча состоялась. Красивый, обаятельный отец Георгий долго говорил, как хорошо иметь связь с горным миром, с благоветием, с нравственным перерождением.

Собравшиеся, в основном учителя местной школы, сочувственно кивали и подтверждали необходимость этой «вертикальной» поддержки.

Потом, к удивлению главы, ему было сообщено, что, в первую очередь, образовав общину, он должен передать всю землю под церковь, во владение... церкви, а затем — дать ей юридический адрес, заплатить пошлину и самим изыскивать средства на строительство, оформление и оплату работ.

Вытянутое лицо измотанного жалобами народного избранника Вячеслава Алексеевича Шеховева представить легко: только что дальнбойщики добились за апрель главную дорогу к селу, доведя трассу до летаргически-инфарктного состояния; Пятый год полсела ждёт газоразводки, рубя дрова на зиму, как и столетия назад, мощными колунами. Бывший колхоз приказал долго жить, растеряв две или три сотни трудовых мужиков... Какое там строительство церкви, когда в центре села — брошенные коровники семидесятых, а сельчане выживают личным подворьем, не принося ни копейки в бюджет села.

Но, сделав достойный вид, Глава не ударил лицом в грязь: велел секретарю принести чай с вафлями и пригласил всех к трапезе. Отец Георгий радостно подхватил: «Это — по нашему. Трапезничать после такого события — дело святое». Как был я рад этому дню. А сбудется ли моя мечта? Боюсь и думать...

02.06.2012 г.; 12-10—13-50

С. Варламово

ЛЮБОВЬ В ГРОЗУ

(диптих)

* * *

Живём как в древних временах,
Как жили наши предки:
От грома ощущаем страх,
И садим в грядки репки...
Мы предусматриваем крах
Канцерогенной клетки,
С которой перейдем во прах —
То случаи нередки...
Но труд тяжелый на земле
Даёт и страсть и силу
Быть с женщиной навеселе,
И ей быть тоже милой...

Давай, подруга, глянь в окно
Закат пестреет, как рядно...

* * *

Закат пестреет, как рядно —
Половики деревни,
И мы с тобою заодно
Милуемся, как древле...
Пусть от грозы дрожат деревья —
Свежо у простынь полотно,
С пропаркой в бане заодно
В подушках оперенье...
Недаром ты пришла с грозой,
Как вестница порыва,

И прёт от зелени озон,
И стонешь ты счастливо...

И нету возраста для нас,
Пока гремит Всевышний Глас...

Ночь с 2 на 3 июня 2012 г.

*Троица и Гроза всю ночь — первая
за всю весну (апрель — май — засуха)*

ВОЛШЕБНИЦА

Ну, ладно — принесла грозу.
Ну, ладно, прополола грядки,
Испытывая нервный зуд,
Чтоб в огороде всё в порядке...
Прошли небесные осадки,
Оставив в зелени слезу,
Такие дни за лето кратки,
Неся восторженно красу...
Но соловья внезапно трели,
Молчавшего досель в жаре,
Неужто ты и в самом деле
Колдуньей стала во дворе...

И сверх того — у винограда
Три почки — от тебя награда...
03.06.2012 г.

ВЫГОН СКОТА УТРОМ

Напротив солнечного диска,
Встающего, как Ланселот,
Идут коровы, как министры,
Слюной украсившие рот...
Покачиваясь равномерно
В такт пенью ранних петухов
Они задумчивы; наверно,
О травах думают лугов...
У них невымытое вымя,
Болтающееся, как грудь
Старух, что персями своими
Всем бедам преграждают путь...
Их гонят девки молодые,
Велосипеды оседлав.
Во всех фигурах их — гордыня
И осознание своих прав...
Молчат коровы. И девицы,
Неотошедшие от сна,
Им тычут в бёдра острой спицей,
А солнце светит, как блесна...

04.06.2012 г.; 7-00

с. Варламово

СОЛИДАРНОСТЬ ПРИРОДЫ

(диптих)

* * *

Отцвёл шиповник и расцвёл жасмин,
Прошли дожди прекрасные, как сказка...
Рискну и я здоровьем своим —
Мне ни к чему уже теперь отмазка...
В напряге жизнь достойна и прекрасна,
Как в подвиге священном — херувим,
И пусть она кому-нибудь напрасна —
Я буду петь о трудолюбии гимн...
Есть связь между упорством, несомненно,
И отзвуком природного тепла,
Что вдохновляет нас на перемены,
Как ум — увеличительность стекла...

Прошла гроза — и это — благодарность,
Природная простая солидарность...

* * *

В природе есть, конечно, солидарность...
Вот засуха стояла, но не зря
Трудились люди, осудив бездарность,
Вставая что ни свет и не заря...
Пусть был посев желтее янтаря,
Рассада — не рассада, а кошмарность,
Её садил я, словно антикварность,
Жестокость солнца втайне костеря...
И вот природа, гнев сменив на милость,
Расщедрилась невиданной грозой —

И всё вокруг тотчас преобразилось,
И птиц запел многоголосый строй.

И каждый человек теперь уверен —
Трудись, трудись — и не считай потери...
04.06.2012 г.; 170-00

*Умерла Алевтина Емельяничкова —
мастерица уникальных женских традици-
онно русских нарядов, жизнерадостная и
уверенная всегда в себе женщина — пред-
приниматель, которую поддержал Фонд,
начав «Бажовский фестиваль» 1990-х го-
дов её парадом русских красавиц: «Зла-
тоустовская гравюра», «Каслинское ли-
твё» — мотивы её костюмов.
Светлая ей память...*

Флюре С.

СОЧУВСТВИЕ

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать»...*

Ф. И. Тютчев

Опять тяжёлое известье,
Опять и боль, и маята,
Как роковое перекрестье
Тобой несомого креста...

И обступает темнота
Иного мрачного предместья,
Где будем мы с тобою вместе
Брести, подруга, неспроста...
08.06.2012 г.

СОНЕТ НОЧНОГО ДОЖДЯ

Тарабарщина этой жизни,
Как татарщина древних лет:
Всюду чувствуешь укоризны,
Что уже прежней силы нет...
То ли рабства то давний след,
То ли совести слабый признак,
То ли чтения атавизмы —
Блоко-тютчевский силуэт...
Только грусть, как осенний дождик,
Всё подтачивает столбы...
Так, отчаявшись, пьёт художник
О никчёмности всей судьбы...

Пусть ему, как и мне, понятен
Весь рисунок родимых пятен...
13.06.2012 г.; 24-00
с. Варламово

* * *

Родная женщина моя,
Измученная острой болью,
И нет исхода своеволью,
О чём и сокрушаюсь я..
Живём мы, ужас затая,
Чуть оживая лишь в застольях,
Меняя облики и роли,
Лишь только бы жила семья..
И в этом — стойкости закон,
Самостоянье человека
И не поможет тут аптека,
И колокольный даже звон...

Терпи, подруга дорогая,
Есть прелесть нам стоять у края...

13.06.2012 г.; 0-30

Слушая передачу о Николае Гумилёве и его судьбе, о сказочных пьесах его, которых я не читал вообще... Пьесы Гумилёва: «Дитя небес» (о дервише Индии и Пери с неба)

РАССТАВАНИЕ С ГРУШЕЙ

Любимая груша засохла,
Когда моя Мила ушла,
А раньше — собака издохла
И кошка, что долго жила..
Ушли и деревья, и звери,
И женщина — мать и жена,

И понял я — новая пери
Теперь, как дыханье, нужна..
И небо послало мне снова
Подругу для ночи и дня,
И девочку сделал здоровой,
Что внучкой была у меня..
Ломает беспечная внучка
У груши засохшей быльё,
И женщины тонкая ручка
Чело обтирает моё..

13.06.2012 г.; 01-00

НОЧНОЙ ЭКСПРОМТ

(после дождя)

Несомый ветром и дождём,
Мой стих пусть будет влажен
И крепок, как кирпичный дом,
И так, как он, отважен..
Пусть будет он, как тот лопух —
Мясист, широколистен,
И окрыляет ум и слух
Могучей силой истин..
Естественность — всему закон.
Природна сила слова,
И дикоросы всех времён
Идут от корнеслова..
Ему — читай иль не читай —
Всё бытие, как воздух.

Его, как Бога, почитай,
Ему молись, как звёздам...

13.06.2012 г.; 1-30

«Читать — почитать — чтить»...

Скрыт корень «честь, честность»...

О, русский язык, ты — сокровище тайны...

ДОЖДЬ ПЕРЕСТАЛ

Сырой спокойный аромат
Травы, листвы, деревьев...
По крыше капельки стучат
И тишина в деревне.
По небу тучи, как бельё,
Отжатое от влаги,
Деяние свершив своё,
Ползут, полны отваги...
Кругом достоинство травы,
Довольной воздаяньем,
Как гениальный черновик
Извечного преданья...
Свершён великий мудрый труд
Воды круговорота,
И человек излишен тут,
Так царствен круг почёта...

Тогда же; 1-45

СОН ПОСЛЕ ДОЖДЯ В ИЮНЕ

И вот пришла в ночи украдкой
Ко мне внезапная жена,
И волос распустивши прядкой,
Клялась, что будет мне верна...
Клялась, кивала и манила
Вдруг на... классический концерт,
Сидела сбоку моя Мила,
Сжимая с судоргой конверт...
На что-то гордо намекая,
Когда скрипач повёл мотив,
Вдруг встала, в воздухе растаяв,
Подол у платья подхватив...
И я за ней взлетел, алкая
Обычной близости усад,
И в прихоти ей потакая
Ждал вновь объятий и награды...
Летят под нами переулки
Средневековых городов —
Испанских улиц закоулки,
Голландских потаскух альков...
И Мила открывает двери
В чужую спальню, где, нага,
Стоит неведомая пери
Ко мне спиной на ногах...
И понял я жены уловку:
Я был ей мерзок, но она
Подсовывает мне плутовку,
Которая мне не нужна...

И понял я свою ошибку,
Ведь Мила умерла давно,
Тая загадочно улыбку:
Теперь ей было всё равно...
14.06.2012 г.; 9-40

НЕУРЯДИЦЫ

Неурядицы такие:
Вдруг замёрз водопровод.
Долго в тёплые деньки я
Ждал — а вдруг его прорвёт...
Вот прорвало аж в июне!
Я — в отлучке. Без меня
Экскаваторщик в бездумьи
Вырыл яму близь плетня...
Шов порыва заглушили.
Яму бросили. Как знать —
Вдруг хозяин будет в силе
За закрытые денег дать.
Я приехал. Я — к соседу:
«Твой порыв возле меня.
Дождик обещали в среду,
Нету времени ни дня»...
«Завтра, завтра, не сегодня.
Очень занят я пока»,
Но пошла вода Господня
Покарать чтоб дурака...
Просыпаюсь. В яме — море.
Дом у ямы — на краю...

Для меня не смех, а горе,
Ошарашено стою...
Вот сосед. Он озабочен
Лишь заботою своей:
Яму откачать он хочет,
Но всего на пару дней...
«Оплати, дружок, работу», —
Он поспешно говорит, —
«А приеду я в субботу
Погляжу трубу на вид»...
Я плачú. Почти я плачу.
Говорила мне жена:
«Для других даёшь удачу —
Сам хлебнёшь беды сполна»...
14.06.2012 г.; 10-00—13-00

*Попытки предотвратить обрушение стен дома
в Варламово от ямы 3,5 м вблизи*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСУЩНОМ

Категории «должного» с «сущим»
Мы не будем с тобою равнять:
Шанс на это давно уж упущен
И не будем мы спорить опять...
Должников у нас — целая рать.
Каждый думает о насущем
И старается покарать
Тех, чей шанс в простодушьи упущен...
Так размножились в жизни дельцы,
Зная разницу слова и дела,

Что потеряны чести концы
Иль она в небеса улетела...

Только горько, как плюнет в лицо
Самый «честный» из тех удальцов...

15.06.2012 г.; 13-00

*Гнездо слов: дельцы, удальцы, молодцы, мудрецы,
подлецы, наглецы, стервецы, хитрецы, льстецы.
Какое яркое, звучное, хлещущее всегда слово с
блестящим звуком «ц»... отсюда близко «огурцы»*

КОММЕНТАРИИ К «НЕУРЯДИЦАМ», КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ...

(эпизод)

«Воды в канистру не наберёшь», — спросил экскаваторщик, мокрый от пота и грязный от мазута.

«Охотно», — сказал я и побежал с пятилитровой канистрой во двор к себе, где был кран водопровода от скважины.

Рыли глубокую канаву для трубы моего соседа, потому что наша совместная с ним труба от деревенского водовода перемерзала каждую зиму и терпение у соседа кончилось. Он нанял экскаватор, чтобы глубоко проложить свою отдельную трубу, чтобы она не замерзала, как моя с ним, дотопле совместная.

Сосед суетился, радовался, что теперь у него будет отдельная незамерзающая труба и не надо

больше будет насыпать опилки, когда в малоснежке лёд будет в глубине земли доходить до нашей совместной трубы, а к теплу и лету — трескаться будет металл и изливаться вода в глубь и наружу. И не надо будет срочно копать землю и ставить заглушки на лопнувшие трубы.

«У меня всё будет теперь отлично», — говорил он мне, радуясь, что отсоединится от моей уже опасно мелкой трубы, которая, очевидно, будет теперь только моей головной болью и будет лопаться только у меня. А у него будет надёжно спрятана глубже и основательней.

Он не предлагал мне подсоединиться к своей надёжно спрятанной трубе. А я и не намекал ему на это. Я сделал доброе дело — пять лет пользовался он отводом от меня и теперь будет иметь свой отвод — надёжный и личный.

А обо мне он больше не хотел думать. Теперь это — мои проблемы.

Давно ли жена говорила: «Не делай добра — не получишь зла». Но я не слушал её... Я всё делал вопреки тому, что она говорила...

15.06.2012 г.; 13-30

ДРЕВНЯЯ ТЯГА

(диптих)

* * *

Почему так влечёт твоё лоно:
Лишь раздвинешь ты бёдра свои —
Так и тянет меня неуклонно
Погрузиться в объятия любви...
Свищут громче вокруг соловьи,
Как разбойники в стане полона,
Да и я, как гвардеец ОМОНа,
Начеку автоматной струи...
Ба! Наверное тяга возврата
Во младенческом чреве побыть
От природы для нашего брата
Придаёт богатырскую прыть.

Тянет нас к изначальным истокам,
И не знаем износа и срока...

* * *

Мы не знаем износа и срока,
Коли бьётся горячая кровь,
И от запада до востока
Присягаем мы женщине вновь...
Потому и дана нам любовь,
За которую платим жестоко,
Что полна нутряного упрёка
Ежечасно касания новь...
Там, во чреве, мы счастливы были.
Нам блаженство дано испытать

Только с Женщиной, а не в могиле,
Если будем хранить свою статью.

Потому и вхожу в твоё лоно,
Что судьба для меня благосклонна...
17.06.2012 г.; 15-30

ОПЯТЬ НА РОССТАНЯХ

*С любимыми не расставайтесь...
И каждый раз навек прощайтесь...*
А. Кочетков
«Баллада о прокуренном вагоне»

Опять на расстанях недолгих
Целую, милая, тебя,
Глаза, конечно, не навоглю,
Но будто образы рьят...
А руки... Руки теребят
Твоих объятий облик добрый,
Запоминают чудный взгляд...
Какое счастье, если рядом
Тебя в работе созерцать,
Любви священные обряды
Ночами вновь не отрицать...

Крупинки нашего общенья
Есть колдовство преображенья
18.06.2012 г.; 8-45
После проводов Флоры в город

* * *

Сколько ты сделать успела
За двадцать четыре часа,
Всюду видно твоё дело,
Радость моя и краса...
Снова прополоты грядки,
Полита зелень и дом
Вновь в образцовом порядке
С вымытым чисто окном.
Эта стремительность страсти
В каждом деяньи твоём,
Не говоря уж о власти
В сумраке ложа ночном...
Господи! Это за что же
Дар мне такой от небес —
Это бессмертное ложе,
Это обилье чудес...

18.06.2012 г.; 9-00

НОЧЬ БЕЗ НЕЁ*

А после испарины страсти
Я вышел в прохладную ночь
Почувствовать мир на контрасте
И сердцу тем самым помочь...

* Очевидно, это была ночь лунного затмения... Удивительно, но за всю жизнь в городе или без него я не созерцал такой фазы Луны... А тут было именно так... На 72 году! Как узко мы живём...

Промытые ливнями звёзды
На бархате неба одни
Прибиты, как светлые гвозди,
В отсутствии лика луны..
И долго стоял я, растерян
Впервые по жизни своей
В безлунности, будто потеря
Была только личной, моей...
Я прожил не мало, но ночью
Остаться вот так, без луны...
И вспомнил — не так ли вот точно
Недавно я был без жены...
С каким-то неведомым страхом
Я к дому скорей повернул,
Оправдываясь перед прахом,
Что не был я вовсе монахом...
И ветер мне в спину не дул...
18.06.2012 г.; 9-30

МАРУСЯ К ШЕСТИ ГОДАМ

Когда настают вечера
Для нас деревенского быта —
Забыта Марусей игра,
И книжка, и сказка забыта...
Она на работу идёт,
И деда, и бабу покинув,
Широкое поле работ —
И повод к тому, и причина...

Ей нужно теперь огород
От мусора чистить и стёкол,
И долг этот Машу зовёт,
Чтоб дед от восторга заохал...
«Маруся, второе ведро!
И гвозди, и стёкла, и банки!
И как ты находишь хитро
Садовые эти обманки!»
Молчит поначалу она.
Потом объясняет подробно,
Что в этот процесс влюблена
И к этому очень способна...
18.06.2012 г.; 9-45

ГОЛУБКА ИЛИ ГОЛУБОК?

Голубь с оливковой веточкой.
См. Библию

Сижу под навесом в деревне,
Пишу неумело стихи,
Которых читатель, наверно,
В разряд отнесёт чепухи...
Но вот надо мною порханье
И свист поминутный крыла
Моё привлекает вниманье:
Какие там сверху дела...
И вижу — летает голубка
Туда, где стропила и жесть
Объем образуют уютный,
Куда можно ловко залезть...

Там, видимо, только недавно
Был свадебный птичий галдёж
И по традиции славной
Прибудет вот-вот молодёжь...
А нынче идёт обустройство
Квартиры сухой... Потому
Голубка являет геройство,
Иль голубь — того не пойму.
Но истово так он летает,
Неся тополиную снасть,
Которую быстро толкает,
Являя изящную страсть...
И вспомнил я голубя мира
С оливкой ветвью чудес...
А здесь под навесом — квартира...
И мир во единстве воскрес...
18.06.2012 г.; 10-45

СПОР О ТЕРМИНАХ

*Данелия считает, что весь
мир «развращён». А я думаю,
что он «растлён».*

Растлённый мир иль развращённый...
Разврат — лишь следствие того,
Что дух страдает, измождённый
Отсутствием любви... Всего,
Что отвлекает нас от быта,
От доказательств «я не раб»,

И где насилие забыто
И то, что смертен ты и слаб...
Любовь врачует эти хвори
И изгоняет вон разврат,
А вот «растление» — поболе
Страшней, чем весь загробный ад...
Растление — тление организма.
Души и тела. Страшный рак.
Страна от мифа коммунизма
Истлела, как чумной барак...
И потому я не согласен
Равнять те страшные слова.
Природный мир всегда прекрасен,
Пока генетика жива...
19.06.2012 г.; 10-00

ПРИРОДА ВРАСПЛОХ

Нет большей радости, чем вдруг
Природу заставить врасплох,
Когда открыт твой глаз и слух,
Когда ты сам, как некий бог...
Пусть дан тебе на время срок,
И этот глаз, и этот дух —
Ты заостри и вкус, и нюх,
Чтоб осознать единство смог...
Почувствуешь кругооборот
Растений, гадов и зверей,
Всё, что иным наоборот
Закроет таинство дверей.

А ты излечишься от бед,
Как бы впитав восторга свет...
19.06.2012 г.; 10-45
с. Варламово

* * *

Совместно делаешь пять дел,
Но даже это — не предел,
Когда природа не препятствует
А сорняковость святотатствует.
Растут, как прорва, сорняки
Их силы столько велики
Что, как извозчик, я в поту
Вершу под солнцем маяту:
Полю, копаю, жгу ботву
Сушу несносную траву,
Кладу цементом водослив,
Основу дома защитив...
Кручусь, как белка в колесе,
Как мышшь на хлебной полосе,
Стараясь всё устроить так,
Чтоб был с запасами чердак...
19.06.2012 г.

ВСЁ ТАК НЕКСТАТИ

Торцевые ключи. Торцевые ключи.
Вы — устройство умелого быта.
А без вас — то хоть плачь.
Хоть кричи — не кричи.
Вся конструкция из монолита...
Каплет с бочки вода.
Без неё — никуда.
А она протекает, как сито.
Открутить изнутри
Поворота хоть три.
А резьба у болта вся забита...
Дама ящик ключей
Для болтов и свечей,
Так некстати
И подло забытый...
Так везде и вокруг
Исчезает и друг,
Похороненный в спешке друзьями.
Без него, как без рук,
Испытание мук,
А он дружит неспешно с червями...
20.06.2012 г.; 13-50

ОПАСНЫЙ ДУШ

(монолог Маши)

Ни комаров, ни мух покуда
Мы здесь не ведаем у нас,
Зато у душа есть причуда,
Он током щиплет — первый класс...
Я вам скажу — он так коварен,
Что мыться в нём я не хочу,
А бабушка идёт, как барин
Идёт на медосмотр к врачу...
Он говорит: «Вы — невропатки,
А надо всё переносить»...
А у меня почти припадки,
Когда хочу под душем быть...
Конечно, душ нас не задушит,
Но лучше в баню я пойду,
А деда это не колышет,
Вот-вот накличет он беду...
20.06.2012 г.; 14-30

КОГДА...

Когда увидишь ты с моста
Любимой абрис:
Её, как серны, красота,
Глаза, как сабли...
А мимо только что — леса
Полу-сожжённые,

И плугом возле — полоса —
Шрам обнажённый,
То понимаешь, что пожар
Мгновенно, рядом,
И та, что с пылом обожал
И видишь взглядом —
Она — мгновенна, и уже
Почти исчезнет
Вот в этом летнем мираже,
Подобном бездне —
Ты миг судьбы благодаришь,
Её целуя,
Хотя ты сам — ружейный пыж
У обалдуя...

23.06.2012 г.; 15-40

Встретив Флюру из города на виадуке дорог

МАША В ЛЕСУ

Вот и опять та лесная дорога,
Камни и полосы сосняка,
Где бесконечно исхожено много
В эти прошедшие с Милой века...
Белого вижу мельканье платка
Там, на поляне, сходящей полого...
Это Маруся, моя неотрога,
Ягоды ищет наверняка.
Выросла девочка. Трудолюбиво
Ягоды щиплет, как было тогда...

Нет лишь Тебя, моё горе и диво.
Нет лишь Тебя... И теперь навсегда...

Но вот мелькнула меж сосен фигура.
Это не Ты... Это милая Флюра...

23.06.2012 г.; 16-00

После первой выездки в лес за ягодами

ГРАВЮРА

Каков же изысканный этот пейзаж,
Где благородное сосен дворянство
Всё смотрит на горы в далёком пространстве,
Любой презирая иной вернисаж...
И стыдно мне стало за свой ералаш,
Что полон отлучек, отъездов и странствий,
Не ведая счастья от постоянства
Отвергнуть решительно всякую блажь...
Вот эта великая жизни гравюра:
Пол-сотни овец и пастух на лугу,
И милая женщина с именем Флюра,
Прожить без которой теперь не могу...

Высокие сосны стоят на опушке,
И, может быть, рядом покажется Пушкин...

23.06.200012 г.; 16-40

Современные изречения:

«Отишачил — пошашлычь!»

«Хороший ум — большие деньги!»

ИНТРИГИ

Интриги дьявольской игры
Опять меня сопровождают:
Грибок с подполья вылезает,
Как издевательства дары...
Я вспомнил ужас той поры:
На стойкость я держал экзамен,
И выиграл с ним состязанье,
Уловки были хоть хитры...
Он источил чуть не полдома,
Мои огрехи изуча,
И подлость мне его знакома —
Врага и дома палача...
Ни в чём ошибки не прощая,
Он все коварства воплощает...

24.06.2012 г.; 11-30

*Снова из подполья, где столько мер сделано,
вылез, торжествуя грибок — жирный и скользкий,
Словно говоря — «врѣшь, не убьѣшь, я вечен,
а ты — смертен»...*

СТИХОТВОРЕНЬЕ ПРО МАШИНО ВАРЕНЬЕ

Я пишу стихотворенья
Про Марусино варенье,
Появилось как оно,
Само в Марусю влюблено...
Значит так: однажды утром,
Что сверкало перламутром,

Захотела Маша в поле
Разгуляться там на воле,
Собирать для всех цветы
Разноцветной красоты...
Это там тысячелистник
Распустил цветы и листья,
Клевер, кашка и кипрей,
Что полезны для людей...
Но и в поле есть враги,
Клещ и всякие жуки,
Потому, надев платок
С курткой, где глухой замок,
Сапожищи из резины,
Дед купил что в магазине,
Маша, взявши спецведро,
Улыбнулась хитро:
«Дед, вези меня, вези,
Только тихо тормози,
Хоть ремнём я пристегнусь —
Быстрой скорости боюсь»...

Там мы выехали в лес
Пусть у нас не «мерседес»,
А всего лишь старый «лексус»,
Деду возрастом уместный...
На опушке сто цветов,
Но есть ягоды зато:
«Дед, дедуля, посмотри-ка
Меж цветами — земляника,

Прячет головы в траве,
Посылая нам привет»...
Да, клубника — земляника
Вырастают в поле дико,
И зависят от дождя
Как от мамочки — дитя...
Не стесняйся, собирай,
Только спелых выбирай
И не бойся комаров,
Чьи укусы — будь здоров,
Здоровее станешь ты,
Не забудь и про цветы...

Целый час трудилась Маша
В поле труженица наша,
Набралось у ней ведро —
В нём — бесценное добро:
Ягод спелых и душистых
Насбирала она быстро
Целых восемьдесят штук,
Комариный слыша звук...
Стало жарко, но цветы
Несравненной красоты
Тоже сжала в кулачке
На полднемном сквознячке...

Мы из леса возвратились,
А клещи не появились.
Было им наверно лень
Сторожить нас в жаркий день.

Осмотрев свою одежду
Ощутили мы надежду
Быстро ягоды сварить
Чтобы чай с вареньем пить...

Но у Маши есть заботы —
Много в доме есть работы.
Ждут её и помидоры,
Что под каменным забором.
Нужно их пасынковать —
Поросль лишнюю срывать...
Ждут её и огурцы,
Что растут, как молодцы,
Ждут они себе полива,
Замирая сиротливо..
После надо лебеду
Тоже выполоть в саду,
На скакалке поскакать,
И рисунки рисовать,
И про маму и про папу,
И свою померить шляпу.
После вместе с тётей Флюрой
И с пришедшим дядей Юрой
Хорошенько поболтать
И готовиться в кровать...

«Потому пусть старый дед,
Что весь полдень спал в обед,
Сварит вечером варенье,
Написав стихотворенье

Про мой личный подвиг дня
И порадует меня»...

Вот исполнено желание:
Налицо повествование
Про Марусины дела,
Как в Варламовке жила...
25.06.2012 г.; 9-30

*После варки варенья из Машинных ягод
и её тягот*

ДИАЛОГ ПРОРОКА С НИМ...

Пророк: Моё положение —
Самосожжение
От напряжения
Любви выражения...
И стало мне ясно,
Что было напрасно
Всё то, что прекрасно
В юности страстной...
И необъяснимо,
Как всё повторимо:
Мир видя без грима
Непоправимо...
Как глухи все люди
К тому, что пребудет,
Коль тонем мы в блуде,
Подобно Иуде...

Он:

Одно остаётся —
На днище колодца
Иль вспыхнуть, как солнце,
В бензиновом донце...
Не растревая своей души —
Ведь ты раскаялся не первый,
Побереги для службы нервы,
Искать виновных не спеши...
Я дал для мира испытанье
Не в первый, не в последний раз,
Его лишь выдержат титаны,
Но подожди их знать сейчас...
Огнём огонь лишь остановят,
Когда навстречу он идёт,
И ты — гори, но только в слове,
И смело выходи вперёд.
Пребудешь ты в броне духовной
И чистый сердцем, как кристалл,
От скверны отойдя греховой
И закалённый, как металл...
И только это есть сожженье
И исполнение любви
К тем, кто лишён воображенья,
И только ради них — живи...
29.06.2012 г.

БАЛЛАДА О ГУСИНОМ ПЕРЕ

Среди событий нынешнего лета
Великих, как футбольные призы,
И маленьких, по-детски незаметных,
Как капельки рассветные росы,
Есть в летописи крошечной находка,
Которой Маша тешится весь день —
Во время полудневого похода,
Когда короткой становилась тень,
На берегу чудесной тёплой речки
Попалось ей гусиное перо,
Которое само собой есть вечность,
Природою придумано хитро...
Обрадована, девочка ласкала
Его неизъяснимую красу,
В воде проточной в миг прополоскала
И бережно носила на весу...
«Оно и вправду, деда, натурально?
Не из пластмассы сделано оно?»
«Конечно, — отвечал я ей печально, —
Писали им поэзию давно...
Есть в городе и памятник, где Пушкин
С пером гусиным смотрит на детей,
Но к этому все дети равнодушны
Во время развлекательных затей»...
«А я неравнодушна, — возразила
Прелестное сокровище — дитя, —
Я чувствую, что в нём как будто сила,
Которой гуси по небу летят...
Смотри какое крепкое. Взлечу я,

Когда таких побольше наберу», —
И долго им махала, озоруя,
Себе устроив личную игру...
И по дороге к дому от купанья
Нашла десяток пёрышек иных.
От каждого в восторге ликованья
Почти слагая непонятный стих:
«Куриные, утиные, гусячьи —
Какое изобилие вокруг,
Но не бывают перья пороссячьи,
Как не бывает мальчишков — подруг»...
Но лишь одно перо красиво было
И им писать хотелось, но — увы —
Давно исчезли всякие чернила,
Как краски прошлогодние листвы..
И, чувствуя ко мне как будто жалость,
К годам ли, к мыслям, непонятным ей,
Дитя ко мне внезапно так прижалось,
Что стало мне как будто бы теплей...
«Ой, деда, у тебя перо на майке
С чернильницею изображено!» —
С серьёзностью начитанной всезнайки
Воскликнула, чуть хмыкнув заодно...
Я майку снял, писателя подарок
К столетию Транссиба из Москвы,
И отпечаток, красочен и ярок,
Поистаскался несколько, увы...
Писатель мудрым был и знаменитым,
Писал, конечно, не таким пером,
И мною был, конечно, не забытым,

Но редко мы бывали с ним вдвоём,
И вот совпало: девочка и память
Далёких лет. Поэзии полёт...
Стоял я с увлажнёнными глазами —
Как время нам уроки подаёт...
Случайно ли такое совпадение
За семьдесят когда тебе давно,
Иль просто девочки взрослеющей мгновенье
Тебе подарком счастливо дано...
Весь вечер во дворе она летала,
Пером махая на закате дня,
Водой из бочки на меня плескала,
Живой водою возродя меня...

03.07.2012 г.

МАШИНЫ РЕГАЛИИ

Ну что за девочка растёт,
Трудолюбивая, как квочка,
Усердно полет огород,
Чего не делала и дочка...
И пасынки у помидор
Срывает пальчиками нежно,
И в бане подметает сор,
В ведро ссыпая так прилежно,
Потом включает быстро кран
Водопровода для полива,
Чтобы капуста по утрам
Росла хрустящая на диво...

Но высший подвиг — колорад
Когда к картошке подобрался,
Она, не требуя наград,
Его собрала ловко в пальцы.
Жуков в бутылку собрала
Стремительно и деловито
И, кончив подвигов дела,
Сплясала танец Карменситы...
И вот решили с бабой мы
Присвоить ей такие званья,
Чтоб в биографии страны
Звучало наше ей признание...
Во-первых, знатный садовый
И покровитель помидоров,
А во-вторых, жукоизвод,
Владеющий искусством сбора...
А в-третьих... В-третьих, мастер клумб,
Где лилии растут роскошно,
Каких не видел и Колумб
В Америке своей, возможно...

Она освоила штурвал
Из колеса от старой прялки,
Чтоб дед ей титулы отдал
И капитана и весталки...

04.07.2012 г.; 9-40

ПОЛУЗВЁЗДНАЯ ЖЕНЩИНА

(парафраз И. Анненскому)

В парадоксальном мире ощущений,
Когда пронзают токи высших сил,
Я жду твоих, богиня, появлений
Звездой над гробницами могил...
Не то, чтоб я тебя боготворил,
Всю ночь изнемогая от сомнений,
Но не остыл во мне прошедший пыл
И сладостная беглость впечатлений...
Давно на солнцепёке и в жаре
Других объятий и в пылу лобзаний
Я понял тщетность ада предсказаний
И верю только утренней заре...
Но ты — хозяйкой сумерек и ночи
Безжалостно мне смотришь прямо в очи...

07.07.2012 г.; 9-00

Все уехали. Я опять один.

с. Варламово

* * *

Читая дневники Толстого*,
Не вытираю долго слёз:
Как гений праведного слова
Такую муку перенёс:
Детей презрение глухое,
Потерю сына юных лет,
Смерть дочери, у гроба стоя**,
И одиночества обет...
А главное — психоз супруги,
Такую верной что была,
И любопытство всей округи
Вокруг семейного стола...
О! Одиночество — ты пытка,
Которой я так дорожу...
Ведь жизнь писателя — попытка
Смерть одолеть по выражу...
10.07.2012 г.; 9-30

* Жданов В. Любовь в жизни Толстого. М. : Планета, 1993. Куплена в Хамовниках 24.08.10 в лето смерти Милы. Написана в 1928 г. с тех пор не переиздавалась. Купил в киоске музея. Долго ходил по дому, вспоминая Бунинскую «Уход Толстого», а была 100-я годовщина его ухода... и смерти.

** Мария Львовна (1906).

ГОРНИЕ ВЕРШИНЫ МЫСЛИ

(фрагменты)

Из дневников Л. Толстого 1909 г.:

«Да, несчастные люди, одарённые разумом и даром слова, когда и то и другое они употребляют для того, чтобы жить как животные»...

«Уехать нельзя, не надо, а умереть всё-таки хочется, хоть и знаю, что это дурно и очень дурно»...

Маковецкому: «Хочет уединения, как буддийские старики делают. Одному вам говорю».

Моё:

«Бегство Толстого» Бунина я прочитал в молодости. Потом Шкловского «Толстой». Под их впечатлением прожил все 46 лет с Милой — она тоже была «фарфоровой», как С.А.. И вот она — «разбилась»... И стало страшно, одиноко, находясь рядом с детьми и их семьями. Только Флюра спасла и спасает меня. Без неё я бы мог умереть от разрыва сердца, что впервые ощутил в то лето страшных пожаров 2010 года.

И вот опять — лето 2012 года: катастрофа на Кубани, сотни погибших. Разборки — почему так, такие осадки — раз в столетие. И рядом — международный открытый рынок, кризис Запада. Кошмары. Кошмары...

Пишу книгу «75 лет Советскому району», как свою биографию (косвенно). Что-то от нас

останется? Книги скоро исчезнут. Слово печатное уходит навсегда? Что будет с молодёжью...

Из Вл. Соловьёва:

«И вот настоящий критерий для оценки всех дел и явлений в мире: насколько каждое из них соответствует условиям, необходимым для перерождения человека смертного и страдающего в бессмертного и блаженного сверх-человека...

Спасаящий спасется. Вот тайна прогресса — другой нет и не будет.»

Статьи «Оправдание добра» и «Идея сверхчеловека».

Из С. Булгакова:

«Хозяйство есть форма борьбы жизни со смертью, и орудие самоутверждающейся жизни».

Философия хозяйства.

«Между Жизнью и Смертью идёт поединок. Эта борьба не двух начал, а двух состояний одной и той же Вселенной».

Там же. С 82

Метафизически смерть живого не только не естественна, но и противоестественна, а потому логически недомыслима. Мы не можем продумать этого понятия в силу закона противоречия. И, однако, ЭМПИРИЧЕСКИ она стала законом естества, наиболее общим и глубоким.

В этом противоречии — загадка для мысли.

И. В. Вишев:

Ни один проект, как это не печально, не рассматривается под углом зрения борьбы жизни со смертью.

Вся система образования технократична. Ущерб здоровью человека, продолжительность его жизни абсолютно не учитывается, не жизнь, а смерть берёт верх над жизнью, фатально пресекая её в сравнительно недалёкие сроки...

Отсюда — ухудшение экологической ситуации, компьютеров и их насыщенности, стрессам и т. д.

Нужна иная мировоззренческая подготовка инженерных кадров, гуманизация образования, обязательно преподавать «философию хозяйства» Булгакова. (А Вернадского??)

Нужно поколебать самую смертническую парадигму.

Но сегодня смерть торжествует над жизнью!!

От меня:

Самые кардинальные мысли моих современников стыкуются с Вернадским и С. Булгаковым, реализуясь в биотехнологиях современности... А науке всего — едва три-четыре столетия.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ В ВАРЛАМОВО

* * *

Ах, эта близость после сна
Фантастика любви
Преображённая весна,
Когда горит в крови.
Давно умолкли соловьи
И без зубов десна,
Как ни печальны дни твои,
Их будущность ясна..
Но тяга властная влечёт
Влюблённые тела,
И тут не нужен звездочёт,
Пусть впереди — зола.

Сплетает вопреки всему
Та сила, коей не пойму..
14.07.2012 г.

СЫНОВЬЯ СЫНОВЕЙ

Сыновья сыновей в нашем доме уже повзрослели,
Обеспечены углой беспечностью праведной лжи,
И они наострились уже в самом деле
Честолюбья прекрасного разные братья рубежи..
Сыновья сыновей — это нами взлелеяны дети,
Остроумные броско, не знавшие голода лет,

Оба брата его
Безотцовщины дети — обломки,
В коих нет ничего,
Только жалких инстинктов потёмки...
Как мне им объяснить
Уважение к такту и строю...
Разорву эту нить,
Только боли своей я не скрою...

17.07.2012 г.

*Удалил мальчиков из деревни.
Страдал страшно... Вторник.*

НАКАЗАННЫЙ БЕЗДЕЛЬНИК

(триптих)

* * *

*У отца Чаадаева была пьеса «Дон Педро
Прокурдеранте, или наказанный бездельник»...*

За что страдают старики,
Встречаясь с молодёжной дурью:
Их возмущает бескультурье,
Традициям всем вопреки...
Они безмерно далеки
От этой склонности к халтурью,
Порой впадая в самодурье,
Излишне, может быть, строги...
Толстой, с детьми навек поспорясь,
Уходит из дому на смерть,
Не изменяя свою совесть
И не меняя облик впредь...

Пусть это станет эталоном...
Но юность к этому не склонна...

* * *

Да. Юность к этому не склонна.
Имея время про запас,
Она не смотрит благосклонно,
Не понимая вовсе вас.
Ей чужд взволнованный рассказ
И ваших опытов корона,
А поезд ждёт их у перрона
На рейс бездельников-пролаз...
Они мечтают о посадке,
Фортуны силясь обмануть
И вас не слушают в досаде,
Что преграждаете им путь...

Вот брякнул колокол. Толкучка.
От вас им тошно. Даже скучно.

* * *

От вас им тошно. Даже скучно.
Они исчезнут, не простясь.
Внучок ваш — юный почемучка,
Едва не сбросит деда в грязь...
Дед смотрит вслед, перекрестясь.
Он думает — какая сучка
Теперь, стеная благозвучно,
Из внука образует мразь...
Но судьбы неисповедимы...

И где-нибудь потом, в тоске
Внук взмолился о том, любимом,
Когда-то нудном старике...

И на могилу одинокий
Придёт прочесть о деде строки...
18.07.2012 г. Утро

КРУШЕНЬЕ МИРА (триптих)

* * *

Когда распался в мире атом
В магнитном поле мощных сил —
Мир занялся таким развратом,
Что не хватило в нём могил...
Едва он бойню прекратил
И возомнил себя Сократом —
Он стал на деле Геростратом,
В компьютер книгу превратив.
Растоптан нравственности пояс,
Как прошлогодняя листва,
Чему и рада, успокоясь,
В своих сужденьях голова...

Но сердце бьётся беспокойно,
Предвидя горести и войны.

* * *

Предвидя горести и войны
В наш электронно-страшный век,
Как может жить теперь достойно
Томимый спесью человек...
Реанимируя калек,
Издадит сердце он спокойно,
Что будет бить бесперебойно,
Не прекращая точный бег...
И мозг, и сердце из металла
Уже сочувствию чужды,
Как лампы яркого накала
Подчас — носители беды...

И страшен мир таких фантомов,
Где слабость лишена притона...

* * *

Пусть слабость лишена притона,
И мать с отцом тут ни к чему —
Из будущего слышу стоны,
Хотя причину не пойму...
Быть человеку одному,
Всегда работая бессонно
И электронную кайму
Плетя исправно по закону...
Да, будет электронный сбой
По вероятности природы...
Ему я посвящаю оду —
Явленью, посланном судьбой...

Тогда и будет сокрушенье,
И новой эры возрождение...
18.07.2012 г.; 13-30

Моей сестре Ирочке

ЛЕТНИЙ ОТДЫХ (диптих)

* * *

Мы отдыхали возле степи
Почти тотчас после войны,
Мы знали цвет великолепий
И запах мирной тишины...
И, как бы ни были бедны,
Мать вывозила на прицепе
Муку, крупу и прочей крепи,
Которой стали мы сильны...
Детям детей такого мало.
Средьземноморье им милей.
Хоть не сыны они подвалов —
Им нужен климат понежней.

У них — Испания! Эллада!
Но климат тот же... Вот досада!

* * *

Да, климат тот же. Вот досада.
У нас, как в Африке, печёт.
И еле держится рассада,
Когда ей влаги не течёт.

А травы-ягоды не в счёт,
Им как бы и дождя не надо,
И в страхе от такого ада
Коровы лезут в лоно вод...
Бездежка — климат на планете
(Казалось раньше дуракам)
Теперь такое в этом свете,
Что ясно даже старикам...

То суховейное известье
Есть нашей жадности возмездье.
18.07.2012 г.

Р. С. Лёша летал на частном самолёте с лидерами — олигархами связи, посетив несколько городов (Щецин, Амстердам, Барселону), где приглядывались к сетям тамошним, насчёт захвата при кризисе «евро»... Ненасытность и хватка акул...
18.07.2012 г.

БАЛАНС ПРИРОДЫ

(триптих)

* * *

Наверно, есть в природе строгий счёт
Допущенных ошибок и предательств,
Суммируя которых, истечёт
Возмездие, как сумма доказательств...
И эта месть не знает отлагательств,
Итоговый баланс введя в расчёт,
Не слушая стенаний и ругательств,
А только лишь учтя кругоборот...
Так кредитор безжалостный и точный
Несчастливого заёмщика ведёт
На строгий суд, где явка не заочна,
А приговор — тюрьма иль эшафот...

Но строгий Суд Природный нам невидим,
И потому его мы ненавидим...

* * *

Конечно, Суд природы ненавидим,
Поскольку у Природы нету прав,
И суд её неправый нам обиден,
И оскорбляет наш хваленый нрав.
Так все законы Истины поправ,
Мы требуем ресурсы в чистом виде,
Вступая в битву с Ней, как бы в корриде,
Вонзая в холку шпагу без оправ...
Природа же — не бык, что сдан на мясо,
Не кит громадный иль отнюдь не слон...

Уловок и приманок у ней масса,
И каждый наш обман в реестр включён.

Когда гремит на небе гром без влаги —
То ни к чему молитвы и отваги...

* * *

Да, ни к чему молитвы и отваги,
Когда гремит неделю надо мной
Гроза сухая, не давая влаги,
А в поле оставляя дикий зной...
Идёт расправа не с одним лишь мной,
И записи идут не на бумаге,
И тучи — не случайные бродяги,
Что, выпивши, стремятся на покой...
Баланс исчерпан. Суть дана надолго,
Поскольку лес изрублен, а болот,
Что высохли, как добавленья долга,
К пустыне просуммировав расчёт...

И этот приговор не оглашаем,
Поскольку в мире строгий есть Хозяин...
18.07.2012 г.; 18-30

*Р. С. 20 дней без влаги, но с сухими грозами,
разрядами с треском, молниями и зарницами
далеко-далеко, будто идёт Высший суд карающе-
апокалиптический.*

Тогда же.

* * *

Когда опять пришла гроза
Две капли дав, как для обмана,
То разразились небеса
Как бы проклятьями тирану...
Как будто бы грозил нам Зевс
Воскресший бог и громовержец,
Угрозой длительной с небес
Что человек будет повержен.
Трещали злобно облака,
Что были серы, словно мыши,
Что человека — дурака
Бог зорко видит, ясно слышит...
И так предупреждает он
Что будет взыск ему похуже:
Раз презирает он закон —
То будет воду пить... из лужи...
18.07.2012 г.; 18-45

*Треск старческого небесного гнева, жалкие
плевки с неба и раскаты уходящего,
кашляющего неба*

ПУШКИН И ПУШИН

*Зачем вступил он в свет
Завистливый и жадный...*

М. Лермонтов

А Пушин Пушкина винил
За преклоненье перед властью,
И предрекал ему напасти,
Что юности он изменил...
Но это было выше сил
Ему, поэту, знавшему ненастье,
И грезилось простое счастье,
Хотя бы и ценой могил...
Жена и дети — это рок,
Что сломит Гения любого,
И наступает чётко срок,
Когда расплаты просит Слово...
И тут не важно, кто Дантес.
Он, даже став роднёй, виновен...
То месть заждавшихся небес,
С которой Гений дерзкий вровень.
Расплата мерой по Нему,
Рискующему, как пророки...
Он должен уходить во тьму,
Что вечно Солнцем стать высоким...
18.07.2012 г.; 19-10.

Перечитывая вновь 2-й том «Друзья Пушкина».

НА ЗАХОДЕ СОЛНЦА

*Бедная Россия! Одна звезда за другую
гаснет на твоём пустынном небе, и
напрасно смотрим, не зажигается ли
заря на востоке. Темно!*

**Андрей Николаевич Карамзин,
сын историка, на смерть Пушкина. 1837 г.**

Так Маяковский пулю в лоб
Себе устроил одиноко,
И доказать столетьям смог
Что он в себе имел пророка.
А власть, которая его
Себе присвоила искусно,
Клеймила им своих врагов
И убивала, как ни грустно.
Чем ближе к власти — тем страшней
Итог дерзаний, но известность
Бессмертным делает парней,
Которых знает вся окрестность...
Но наш синодик будет пуст,
Когда компьютер всех сровняет
Литературный чахнет куст,
Коль юность книги не читает...
Пророки, Гении — увы —
От человечества уходят.
Приходит власть пустой молвы,
Как солнце меркнет на заходе.
18.07.2012 г.; 19-35

ОЧАРОВАНИЕ РОДИНЫ

(диптих)

* * *

Этот ветер с запахом сосны,
Этот ветер с запахом навоза,
Эта грандиозность тишины
Вызывает жалостные слёзы...
Сколько в них очарования прозы.
Почему мы в это влюблены...
Почему до самой глубины
В лёгкие проходит этот воздух.
Каждый атом родины милей
Аромата моря иль оливы,
Возвратиться хочется скорей
К той земле, где судьбы несчастливы...

Ибо тут намолена не зря
Самая кровавая заря...

* * *

Избранные мы — пусть на мгновенье —
Прикоснуться к редкой красоте
Русского в словах стихосложенья,
Как почти к божественной мечте...
Как прекрасно Слово в лепоте,
Принося восторга упоенье,
Изредка давая озаренье,
Словно бы прозренье в слепоте.
Вот она — догадка сути мира,
Вот она — Вселенная — в тебе.

Пусть стихи — не пушкинская лира,
Не псалмы давидовы в мольбе,

Но живой энергии по жилам
Ток идёт. И этот миг — счастливый...

21.07.2012 г.; 0-30

с. Варламово

ФЛЮРА В ВАРЛАМОВО

(триптих)

* * *

Там, где каждая примета
Прошлой памятью полна —
Ты живёшь второе лето,
Как подруга, мне верна.
Вместе светит нам луна,
Когда мы, полуодеты,
Изучаем все секреты,
Бани, грядок и вина.
Всё наполнено лобзаньем
И таким густым теплом,
Что уходят предсказанья
В том, что время утекло...

Нет и нет! Оно — возвратно,
Говорю тебе стократно...

* * *

Говорю тебе стократно:
Двое — это целый мир,
Если только адекватно
Каждый чувству командир.
Чишу я с утра сортир.
Сварен кофе ароматный,
Что тебе весьма приятно,
Стёршей пальчики до дыр.
Ты командуешь над стиркой.
Я — за грядками слежу,
И беседы с подковыркой
Ежечасно провожу.

Чу! Вот время для полива —
Улыбаемся счастливо..

* * *

Улыбаюсь я счастливо:
Слышу звяканье ведра.
Это ты — краса и диво —
Помогаешь мне, щедро.
Как же ты во всём добра
И в движениях красива,
Значит — минула пора
Одиночества бессилья.
Вместе сушим мы бельё,
Собираем помидоры,
И сжигаем всё старьё,
Захлебнувшись разговором.

Промелькает день, как миг —
Вновь луны на небе лик...
23.07.2012 г.

*Жуковский: «Своё писательское дело
авторы воспринимали, как служение Ро-
дине».*

Из книги Д. С. Лихачёва «Великое наследие»

*Сестре двоюродной моей
Людочке Буйновой*

* * *

Смиренно-мудрая сестра
По имени Людмила —
Пусть боль от имени остра,
Но ты переменилась...
Тепло любви твоей всегда
Теперь почти магично,
Благотворительно года
Воздействуют на личность.
Теперь художественный смысл
Понятен средь явлений,
Теперь ты — просто Гостомysl,
Теперь ты — просто Гений...
Природы постигая суть
И чувствами, и кистью,
Дай Бог тебе продолжить путь
Высоких чистых истин.

Мы с детства помним каждый миг
Родительского крова,
И каждый памятью постиг,
Что значит в мире слово...
29.07.2012 г.

* * *

С любимыми не расставайтесь...

А. Кочетков

Расставание — как вежа,
Пусть на сутки или день,
Отзывается мне эхом
От разлуки светотень.
Улетает дребедень
Остаётся отзвук смеха,
Шуток искренних потеха,
Жизни сжавшейся шагренёнь...
Ты прекрасная, как сказка
В ярком солнце иль во тьме,
Ты — сплошная сердца ласка,
Вдруг пришедшая ко мне...
Потому все расставанья —
Память славного слиянья...
24.07.12 г.; 9-30

* * *

Наливаю я до краю
Воду утром в круглый бак:
Птицы пить хотят, я знаю,
Ведь в жару им выжить как.
Прилетают к водопою
Воробьи и голубки,
И, склоняясь головой,
Быстро делают глотки.
Всё оглядываясь робко
И боясь упасть к воде,
Крутят так своей головкой —
Не пропасть бы им в беде...
Так и мы в течение жизни
Как страшимся каждый миг:
Вдруг в лицо опасность брызнет,
Жуткий сдерживая крик...
24.07.2012 г.; 10-10

* * *

Оцепенение проходит,
Когда от засухи трава
Почти на проволоку походит
И жестью кажется листва.
Природа чует — не права
Она в безжалостном изводе,
В том, что, безводна, синева
На смерть костлявую походит...

И потому, как бы во сне,
Всё замерло вокруг покорно,
И показалось даже мне
В природе совесть есть, бесспорно...
Она застыла от стыда:
Что сотворила я за лето,
Кругом беда. Одна беда.
Мы все расплатимся за это...
24.07.2012 г.; 10-20

* * *

После ссоры с внуками

Сдержал я гнев свой. И награда —
Сентиментальная баллада.
Спала несносная жара,
В награду — холодные ветра.
И спящих мальчиков тела —
Побеги хилого ствола,
Родов неведомых корней,
Упёртых в горести своей...
Куда сочувствие мощней,
Чем гнев в исходе старых дней,
И ссоры с юными едва
Приявших сладость со стола
Житейской суетной судьбы
В чересполосице алчбы...
Да, мудрость — ты моя сестра,
Когда день лучше, чем вчера,

А будущее — у детей,
Согретых благостью твоей,
Не мучай гордостью себя,
Их заблужденья полюбя
И мягко их жалей, жалей
Во имя будущих их дней...
Суббота

О себе (для других):

Я имею смелость отнести себя к тому «непостижимому отродью, которое умудряется всерьёз воспылать страстью к женщине, работе и семье» (слова Нормана Подореца, США), с добавлением вообще иррационального элемента — а именно любви к Природе и Родине (кстати, однокоренным словам в русской этимологии).

Читая книгу Ю. Эволы «Оседлать тигра», СПб., 2005 г. (с итал.)

ДВЕ БОГАТЫРКИ

(триптих)

* * *

Две богатырки — внученьки мои —
Меня терзали нынче до измора,
Поскольку им скакать потребно скоро,
Испытывая радости свои...
Насколь хватило у меня любви —
Настолько и дают при скачке «шпоры»,
Коленки деда в качестве опоры
Употребляя с криком: «повтори»!!!
Они скакали, синяки оставив,
Поочерёдно ревностно дрожа,
А я был рад и болям у суставов,
И крутизне любого виража.

Но боль иная сердце мне терзала,
Что этой радости жена моя не знала...

* * *

Да, этой радости жена моя не знала,
До капли кровь двум внученькам отдав,
С одной — мотавшись в аэровокзалах,
С другой — заочно сердце надорвав...
Зачем она имела кроткий нрав,
Характер — крепче твёрдости металла,
В себе храня секретности закала,
Уверена, что я во всём не прав.
Напрасно я взываю к Провиденью:
Зачем её для внушек не сберёт

Хозяин жизни нашей и сомнений,
Владыка всех извилистых дорог...

Терзают внучки старые колени,
А я рыдаю в горести видений...

* * *

Да, я рыдаю в горести видений...
Закономерно это или нет,
Иль случай — повелитель всех мгновений
Мне богатырками даёт ответ...
Обязан ли я жить столь много лет,
Чтобы продолжить связи поколений
И девочкам оставить внятнй след
Самоотдачи, чистой от сомнений...
Любой разрыв. Любой земной уход
Невосполним потерей кода жизни.
Отцы, пропавшие в военный год,
Нам завещали мужество на тризне...

А мне теперь ушедшая жена,
Такая же потеря, как война...

31.07.2012 г.

*После отъезда двух внучек: Маши (5,5 лет)
и Нasti (2,5 г.) из Варламово*

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ БУХАРИНА

Прошли года, но живы строки
Твоих раздумий о стране,
Настрой предельно твой высокий
И ясный многим не вполне.
Ты был подобен той струне,
Чей звук не ведает порока
Звуча возвышенно и строго
В тревожно — чуждой тишине...
И пусть пророчества наивны —
Душа настоль напряжена,
Прекрасному слагая гимны
Как предки в давни времена.

Ты и сегодня с нами рядом
И словом искренним, и взглядом.
13.08.2012 г.; 20-15

МОЙ ДОЛГ

(триптих)

* * *

Я поступил на службу своим детям,
Едва — едва себя чуть осознав,
И даже не усвоив, что на свете
Дано и мне немного своих прав...
Но сын явился, свой имея нрав,
Как истинный наследник всех столетий,
И, многие мне помыслы поправ,
Всю очевидность бренности отметил...

За ним и дочь, красавица моя,
Меня своим явленьем осенила
И многие святейшие края
Отчизны мне собою подарила.

И стал я им слуга и даже раб,
В те годы, слава Богу, быв не слаб...

* * *

В те годы, слава Богу, быв не слаб,
Я кормчим был и в чём-то — господином,
Одновременно и слуга, и раб,
Отец — создатель в образе едином...
Какое счастье — быть простолюдином,
Не сосланным от власти на этап,
И в том людском лесу непроходимом
Детей хранить от непотребных лап.
О, милая жена, которой нету,
Которая исчезла, словно дым,
Чей образ, словно древнюю монету,
Храню я, быть обязан молодым...

Взмужали дети. И мужают внуки,
Житейский постигая смысла науки...

* * *

Житейский постигая смысла науки,
Теперь я постигаю смысла судьбы,
Я предков слышу голоса и звуки,
Я вижу их склонившиеся лбы.

И, чуждый устремлениям толпы,
Несущей то знамёна, то хоругви,
Я присягаю лишь славянской букве
И детям, возмужавшим, не слепым.
Но внуки втрое требуют служенья.
И в пору начинать иную жизнь.
И мне судьба даёт омоложение
Среди ровесников печальных тризн.

Так капитан на паруснике — шхуне
Уходит в шторм, чтобы не сгинуть втуне...

14.08.2012 г.; 15-30

с. Варламово. После двух дней бесед с М. Граммом

ДВА ПОСЛАНИЯ МИХАИЛУ ГРАММУ

Первое послание

Когда, покинутый женою,
Я оказался одинок.
Тогда, ведом самой судьбою,
Вступил ты и на мой порог.
В душе носили мы тот образ,
Который дорог и любим,
И каждый девой беспорочной
Был обожаем и храним...
И вот, братьям по несчастью,
Был даден нам короткий срок,
Чтоб разобраться в самовластьи,
Сравнив и Запад и Восток...

И разгорелись наши споры,
Как было ране на Руси,
Когда расшатаны опоры,
А будущее — гой еси...
Ты был поклонником тевтонов,
Мне участь — мой татарский род,
Презренье к писанным законам
И лозунг — жить наоборот...

И в спешке наших эрудиций
Где Библия и ноутбук,
Сошлись на власти мы традиций,
Которых не минует внук.
И, слава Богу, синтез найден:
Не ум, а страсть влекут страну,
И исполинских средь громадин
Не дай нам, Господи, войну...
А дальше — снова разногласье:
С кем обрести Руси союз?
С германцем — родиной напасти
Или с китайцем жаждать уз?
Мои бессильны аргументы.
Твои — беспочвенны слова,
Хоть и приводишь ты проценты,
Что наша Русь едва жива.
Мои надежды — на несчастье,
Что разом отрезвит народ,
А ты взываешь к сильной власти,
Которой и достоин сброд...

Кто победит в неравном споре —
Узнать нам, видно, не дано...
Но я согласен — будет горе,
Где власть с несчастьем заодно...
14.08.2012 г.; 16-30

Второе послание

Звезда пленительного счастья
Для нас, как видно, не взойдёт,
Лишь крепче узы самовластья
Затянут в будущем народ.
Но мы с тобой, ещё не старцы,
В чём подвиг — жён и матерей,
И пережили мы катарсис,
Как Русь в истории своей.
Барыш пришёл взамен талона
На хлеб, пшено и колбасу,
И нет на трон пока закона,
Лишь только толки пересуд...
Свободный выбор невозможен,
А книга — больше не пророк,
Планшетки лишь касаясь кожей,
Смеётся счастливо внучок...

И в этой трещине ущелья
Меж книгой и экраном злым
Не в силах мы наметить цели,
Как мужу не взыскать калым...
Но есть всему вокруг критерий:
Природы нам не обмануть.

Её бесчисленны потери,
И в ней лишь — будущего путь.
В том наших предков гениальность,
Что опыт был для них слугой...
Пред ним склонилась вся сакральность
С любовью верой дорогой.
И нынче — то же: за экраном,
Где атом или электрон,
Стоит Природа златотканна,
Как Высший Суд. Или закон...
Её возмездье за ошибки
Все возрастают день от дня,
И, гений ты или паршивец,
Тебе воздаст, себя храня.
Не нам узреть такую замять.
То ль катастрофу. То ль прорыв...
Наш долг — хранить о слове память.
Его пророческий призыв...
14.08.2012 г.; 20-30

СТАРЫЙ САД — 2*

Исполненный печали старый сад,
Наполненный виденьями былого,
Где отблеск ожиданий и досад,
Влюблённости исчезнувшее слово...
Теперь в нём горы хвороста сухого
И яблоков гниющих аромат,
И торжество забвения земного

* См. «Старый сад» — 2005 года в книге....

Не радуется ни сердце, и не взгляд...
Но — чу! Под грушей скромными плодами
Усеяны приствольные круги...
Почти ровесница ты мне годами,
Понять, что происходит, помоги...

Молчит, мудрейшая. А каждый плод, как слиток.
В корзины я собираю чувств избыток...

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ РАДЫГИНОЙ

Какая женщина! Как песня,
Её мелодия чиста,
И с каждой встречей всё чудесней
Её земная красота.
Изящество и совершенство
Её творило лишь добро
И понимание блаженства,
Как мир, естественно-старо...
Она из города, где злато
Явилось миру из глубин*,
Вот так же щедростью богата,
А дух во лжи неразворим...
17.08.2012 г.; 15-50

* Она уроженка города Пласта.

* * *

О! Суровость пришедшего века,
Дикой наглости торжество...
Понимаю тебя — не калека —
Лабиринтов твоих естество.
Так Нерон полюбил хвастовство,
В театральность уверив успеха,
А потери ему — не помеха,
То лишь власти лихой мотовство..
И грядущее будет таким же
Бриллиантовым блеском чудес,
Где финал потускнее, пожиже,
Но азартнее лжи интерес...

Саласпилс и Майданек — игрушки
Для компьютерной погремушки...
17.08.2012 г.; 22-30

ГОВОРИТ ПРОФЕССОР МАХНЮКЕВИЧ*

Рецепт хранения яблок
Ценней, чем ваши стихи,
Они хоть потом не дрябнут,
А ваши стихи плохи.
Рыбацкий секрет ухи,
С которым потом дрябнуть,
Чтоб вечером не озябнуть,
Полезней такой чепухи...

* Изволил написать рецензию на мои стихи. Газета
«Танкоград», июль 2012.

Мы сумрачны и спесивы,
А ваши стихи дрянны.
Они не нужны России,
Как гетманские штаны.

И как вы собой не горды —
Бессмертны лишь наши морды...

* * *

Бессмертны лишь наши морды —
Любителей пить и жрать,
Имеющих даже рекорды
По ветру в дерьмо блевать.
Бессмертна у нас кровать
И наших бабей аборт,
А ваших стихов кроссворды
Читает пусть Ваша мать...
Да здравствует наше хамство,
Разгульное навсегда,
И только таким нахальством
Земля наша будет горда...

А вам — зарастать травой,
Где Ваши стихи — конвоем...
17.08.2012 г.; 23-30

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ

Мой материнский капитал —
Громадное пространство,
В котором с детства обитал
С завидным постоянством.
Я знал любовь и окаянство,
Озёр целительный овал,
И письма матери читал
Простые, вовсе без жеманства...
И крепость сердца и души
Она мне подарила,
Сказав: «По жизни не спеши,
Пожалуйста, мой милый»...

И прожил я десятки лет,
Дав в том сыновний ей обет...
17.08.2012 г.; 24-00

СТИХИ К ФЛЮРЕ. ОПЯТЬ

(цикл)

* * *

Как упоительны в России вечера:
Твоё присутствие я чувствую всем телом,
Глаза с вопросом тихим и несмелым,
Дыхание такое... Как вчера...
Была ты на объятиях щедра,
Плечом ко мне прижавшись загорелым,

И радость прелести так быстро прилетела,
Как вестница восторга и добра...
Нет, не изжить восторга упованья,
Когда, прижавшись к мягкости груди,
Я принимаю все грядущие страданья
И темноту ухода впереди...

Ты для меня — подарок Провиденья
И сладость целой жизни упоенья...

* * *

Как женщина всеильна в этом мире.
Лишь с ней спокойствие приходит в грудь.
Быть хорошо вдвоём в своей квартире,
Не устремляясь мыслью в дальний путь.
О! Друг мой, о тревогах позабудь.
С подругой целый мир теплей и шире.
И только с нею нам бряцать на лире,
И познавать прелестной жизни суть.
Пусть осень на пороге. Вздую пламя
В камине или доблести в душе.
Быть с женщиною — находиться в храме,
Где ты причастен к таинству уже.

Цени же Провидения подарок,
Пока Спаситель не задул огарок...
26.08.2012 г.

* * *

О, ласковая женщина моя,
Воительница бани и постели,
Как красота спасительна твоя,
Стремящаяся твёрдо к ясной цели...
Как быстро пролетают дни недели...
Как чистота прозрачного ручья.
Какое дело мне — была ты чья.
Неужто ты моя на самом деле.
Мы трудимся бок-о-бок пару лет,
А, кажется, вчера ты появилась,
На сердце оставляя сладкий след,
Как чудодейственную милость.

Из плена мук я вырван был тобой
Какою-то стихией голубой...

* * *

Какою-то стихией голубой
Я извлечён из мрачного предместья,
Едва услышав о тебе известье,
Доставленное мне самой судьбой.
Так каторжник, когда вокруг — конвой,
Из дома получив благие вести,
С надеждою воспрянет о невесте,
Побег замысла дерзновенный свой...
И я сбежал от прошлого былого,
Где столько неоправданных надежд,
Твоей любовью вдруг наполнив слово,
Неуязвимый ныне для невежд.

И кажется мне часто почему-то —
Ты надо мной, как купол парашюта...
27.08.2012 г.

* * *

Ты надо мной, как купол парашюта.
И я спускаюсь в новые края,
И сладостна мне каждая минута,
Я изменяюсь, счастья не тая.
Как хороша вселенная твоя,
Где водопады опадают круто,
Где радугой пронизана струя
Небесного и тайного маршрута.
Мне видимы прелестные леса,
Что вышли на отвесные утёсы.
Я слышу птиц небесных голоса,
Что оглашают пойменные плёсы.

Ты снова даришь мне родной Урал,
Таким, какого никогда не знал...
28.08.2012 г.; 0-45

ПРИСЯГАЯ ЛЮБВИ

(триптих)

*Человечество существует
благодаря мудрости немногих...*

Эдуард Сервус

* * *

Остуда жизни незнакома мне.
Со мною рядом — царственное слово,
С которым каждый день — обнова,
Где голос страсти в тишине.
Вот снова — шторы на окне
Задёрнуты до пол-второго,
И ты для близости готова
Со мною вновь наедине...
Как сладок тела аромат.
Как волосы струятся в пальцах.
И мы — счастливые скитальцы —
Как тысячи веков назад.

В единой страсти вдохновенья
Мы ценим каждое движенье...

* * *

Мы ценим каждое движенье,
И не расстаться никогда,
Ведь нам известны сокрушенья,
Которые несёт беда.
Ни в чём не ведая стыда,
Мы жаждем рук прикосновенья,

Мы страждем ласки проявления,
Как путнику нужна вода.
Мы понимаем: мир — пустыня,
Но есть оазисы для тех,
Кто присягнул любви отныне,
Открытость не сочтя за грех.

И к этой вожденной цели
Сплетаемся как стебли хмеля...

* * *

Сплетаемся, как стебли хмеля,
Потоки нежности струя,
Как будто никогда доселе
Любви не ведала земля.
И пусть над нами — вензеля
Имён — бессмертных иммортелей,
Мы насладиться не успели,
Любовью каждый миг творя...
Не в том сущность этой жизни,
Что, посреди трудов и бед,
Хранить любовь, как дань отчизне,
Во имя верности обет...

Несокрушимость обаянья
Даёт выносливость в деяньях...

28.08.2012 г.; ночь

Один в Варламово

*Каждый дурак — сам себе враг.
Придумал сам после таких стихов!!*

СОЮЗ КРАСОТЫ С ЧИСТОТОЮ (триптих)

* * *

В составе земного величья
Есть царство твоё — Красота.
Ты — в облике профиля птичья,
Ты — в лик человека влита...
Но в глубь твоей — чистота.
Тебе придавая обличье.
По-моему, симметрично
Так ценится неспроста...
Средь хаоса мироздания,
Что так устрашает людей,
Живая природа — преданье
Красивых и чистых идей.

В них ценность издрёвле, от века
Подмечена взорами грека...

* * *

Подмечены взорами грека
Союз Красоты с чистотой.
Живительно для человека
Дающих и ритм, и настрой.
Союз тот весьма непростой,
Небрежность ему — лишь помеха,

А слава и жажда успеха
Губительны жёсткой игрой...
Но строгая честность творений
И мягкая прелесть души
Есть слепок природных явлений,
Столь чуждых угроз и парши...

Вы скажете — то лишь прекрасно,
Что подлостям мира контрастно...

* * *

Да, подлостям мира контрастна
Лишь честь, что стоит против зла...
Иначе — картина ужасна,
А мир — только смерть и зола...
Нет крепче такого узла,
Где жизнь и горька, и напрасна,
Но только возлюбленным ясно,
Как прелесть чиста и мила...
И не простота тут, а тайна
Природной способности чар...
И тут Красота не случайна,
А чистый и искренний дар..

Пусть каждый оценит судьбою
Союз Красоты с чистотою...

*27.08.2012 г.; 11-30— 12-30
Ясное утро и полдень.*

ЛОЖЬ И ПРАВДА

Ложь подтачивает силы организма —
Выявил простой эксперимент...
Кривда церкви или коммунизма
Проступили не в один момент...
Человек — природный элемент,
Космоса чувствительная призма,
Предстоящего ухода тризна
Угнетает на исходе лет...
Искренность правдивости бесспорна.
Благость оптимизма есть бальзам.
Силы организма вновь, повторно
Тянутся к прощению и слезам...

Будем же доверчивы и кротки
К людям и, особенно, к красоткам...
28.08.2012 г.; 9-35

СТАНСЫ О РАЗУМЕ

Разум есть планетное явление...

В. И. Вернадский; 1930-е годы.

Разум как планетное явление
Поздно я усвоил, к сожалению...
Впрочем, человечество в иллюзиях
Этот тезис как-то сразу сузило...
Для него поныне живо мнение,
Что нужно лишь самоутверждение...

Так Ахав*, Кита везде преследуя,
Мнил себя хозяином наследия.
Белый Кит его не раз наказывал,
Гибель от насилия предсказуя...

Так Великий Сталин — победителен —
Над природой стать хотел властителем,
Реки и каналы, картой пользуясь,
Повелел запрячь на травополие...

Но погиб Ахав. Тиран преставился.
Миру зло насилия не нравится.
А пустыни наступают медленно.
Впрочем, тут ещё не всё потеряно...

Разум должен справиться с эмоцией,
Разработав для Вселенной лоции,
Искры жизни в даль планет, как семечки,
Засевая, наполняя времечко...

Биосфера, та, что нам подарена,
Что не знает негра иль татарина,
Оживить весь космос предназначена,
Что людской является задачей...

Только тут и тайна, и бессмертие,
Поколений множества усердие.

* Ахав — герой романа Мелвила «Моби Дик»
(США — XIX в.)

Соработничество. Вовсе не насилие.
Что на свете есть ещё красивее...

28.08.2012 г.; 13-30 — 14-50

с. Варламово

ОПЫТ С БОЧКОЙ

*О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...*

А. С. Пушкин

Я положил в бочку из железа немного сухих чурочек и опилок. Поджёл их и начал пытаться сжечь срубленные ветки тополя, которые долго лежали под дождём в куче. Ничего не получилось.

Я плюнул и занялся другими делами. Через час заглянул в бочку. Всё сторело, алая угольями на дне... Положил ещё и ушёл уже сознательно. Через час, после долгого дымления, всё исчезло, превратясь в горячую золу. Тогда я завалил всю сопревшую траву и снова отвлекся писать рукопись... Забыв, готовился уже спать. Настала ночь. Сухая, холодная, но без дождя.

Глянул за окно. Всё темно. Ничего не видно. Зажёл фонарь, подошёл к бочке... Алое в темноте и сырости было торжественно и прекрасно. Тогда я собрал все остатки ветвей, зелёную сорную

мелочь и спокойно набил бочку доверху. Мой союзник спокойно пустил дымок и воспринял работу на ночь, как должное.

Вот тебе и опыт, и случай — изобретатель. Сорок лет садовод, но всегда некогда довести опыт до следствия. Вот и представилось. Теперь не боюсь ни сорняков, ни сучьев. Всё перерабатывает моя бочка. Крематорий — да и только.

28—29.08.2012 г. Ночь.

* * *

Послания памяти и дружбы —
Венки страданий и любви...
Как в повседневности мне нужно
Переосмыслить дни мои...
Не пребывайте в забвении,
Ведь память — мощное оружие,
Залог и верности супружьи,
И напряжённости в крови...
Проходит данное нам время
Мгновенно, убыстряя бег,
И только строчками в терпенье
Бессмертен будет человек.

Пишите же, друзья, пишите,
Добро нуждается в защите...

21.09.2012 г.; 9-50

*Написано для книги «История Фонда культуры»,
раздел «Послания памяти и дружбы»*

**«ХОВАНЩИНА» —
ГЕРГИЕВ — МУСОРГСКИЙ**

**МАРФА И АНДРЕЙ
(ПЁТР И ФЕВРОНИЯ?)**

«ПРИЯТЬ ВЕНЕЦ ОГНЕННЫЙ»

На фоне XX столетия, мук народных — эта великая опера, знакомая мне с детства на пластинках — зазвучала вновь в Мариинке. Где рядом — Пряжка, квартира Блока, дом Ахматовой. Всё — в одном ряду, и мой отец — ушедший в пламя Войны... И моя мать, сгоревшая во имя моего «крестного пути»...

Как всё едино, цельно и совокупно с нынешним веком самосожжения страны. На фоне петровских полков, мундиров и барабанов, прощания стрелцов и в колодках Ховинский-старший... Сколько ассоциаций, мощи и мощей. Какая извечная мұка нашей российской истории. Не такая ли — в пугачёвщине, в смуте, в соловецких лагерях... И всё — только в истовой и бессильной самопогибели. Что наследует юность в этой стране? Думает — увильнуть возможно. Ан, нет — и Нью-Йорк сгорает в пламени возмездия.

Только что закончил исполнинскую для меня книгу «Магистраль будущего» с таким же самосожжением моего района, моей малой родины, где цепь подвигов и ужас крушения веры, самосожжение целых заводов (АМЗ, Колющенко), где

исчезнут в пламени эпохи мои праведники — мой любимый тещь, моя жена Мила, вся семья Алфеевых... И тысячи других биографий, судеб под юлюлюканье алчных «нуворишей».

Ни одной строкой не солгал, хоть и не Пименя, а всего — крошечный свидетель агонии. Какое счастье быть способным понимать время в целом, в «Апокалипсисе» здесь, на земле, в твоём могучем и бессильном краю, городе, Урале...

И музыка скрипки сегодня (Шехтман был в Варламово) пела Рахманинова «Романс» среди золотого и зелёного осеннего леса, и Мила стояла перед моим взором между двух шпалер леса, где двадцать лет мы собирали грибы, и я кричал её, а она молчала. И молча выходила из леса, как после молитвы из храма.

Невозможно выразить словом этот поток сознания уходящего в небытие. Только сейчас, в «Хованщине» это слилось, сплавилось, переплелось в единый поток ощущений, горестных эмоций.

И только в мелодии скрипки, такой странной на фоне деревни и разрушенных строений автобазы (заречье Варламово), только в её мелодии я всем нервом сердца ощутил величие трагедии судьбы нашей, моих отцов и матерей, всех этих людей судьбы уходящей... Только искусство её и может выразить...

С 23 на 24.09.2012 г.; 1-30

В одиночестве, без Флоры, всё острее и чище

В ОГНЕННОМ ВЕНЦЕ

(триптих)

* * *

Приемля огненный венец
Минувших судеб одноверцев,
Как ощущаю я всем сердцем
И собственной судьбы конец..
Горит в огне войны Отец,
Горят в минувшем страстотерпцы,
И открываются мне дверцы,
Где я — ответчик и истец..
Пылает прошлое страны
На фоне рока площадного,
На фоне праздника иного,
Где мы и предки не нужны...

Но сердце чувствует иначе
Всю неизбежность сверх-задачи...

* * *

Все неизбежные задачи
На стогнах этих городов
Как будто покрывают плачем
Её забывчивых сынов..
Не жажда денег и чинов,
Не озорливые удачи,
А чувство горькой недостачи
Узреть я в будущем готов..
В разрывах нынешнего века
Как будто бы сокрыта нить

Обмана жажды человека
Всё разом прошлое забыть...

Но неразрывны эти узы,
Как кристаллические друзы...

* * *

Как кристаллические друзы,
Где вкрапленный к кристалл гранит
Природой данного союза
Мощь извержения хранит —
Так наш народ в себе таит
Самосожжения обузу,
И это ляжет тяжким грузом,
Как электрический магнит..
Никто не минет этой тяги..
В наркотиках иль во хмелю.
Они идут, сыны отваги,
Как будто с гимном «я люблю»...

Сгорает тягостно России —
Старообрядческий Мессия..
24.09.2012 г.; 2-00

СКРИПКА СРЕДЬ ЛЕСА

Незримая любимая
Возникла среди лесов
Сей музыкой хранимая
В легенде голосов...
Скрипач играл томительно,
А солнце сентября
Вело обворожительно
Мелодию не зря:
Такая же красивая
Опушка, как и ты,
Твой образ воскресила
До зримой простоты,
Идёшь и нагибаешься
Под тяжестью грибов,
И мне ты улыбаешься
От праведных трудов...

*В память о 22 сентября в лесу под
Варламово, где Володя Шехтман заиграл
романс Рахманинова от восторга опушки
осеннего леса и солнца. Было 21 °С.*

Я И МАША. ПОД СОЗВЕЗДИЯМИ

(диалог)

- Она:** Деда, рак и скорпион —
Родственные звери?
Под одним ты сам рождён,
Можешь и проверить...
Под другим я рождена,
Значит мы похожи,
И семья у нас одна,
Это значит что же...
Я: Рак смирнее. Это ты...
Я, наверно, хуже,
Но есть общие черты,
Потому и дружим..
Она: Скорпион кусает так,
Что почти смертельно,
Но для рака он не враг,
Он живёт отдельно...
Я: Рак в воде, а на песке
Бродят скорпионы...
А у нас — рука в руке,
В детский сад идём мы...
28.09.2012 г.; 9-30

К ПРИЕЗДУ ФЛЮРЫ ИЗ ИТАЛИИ

К приезду Флюры из Италии
Я почию свои сандалии,
Закончу я свои скандалии,
Ремонты, книги и так далее...
У ней окончатся баталии,
Изящней станет абрис талии,
Уйдёт мечта иметь регалии,
Авто, именье и так далее...
И будем петь мы пассакалии
В родной заплёванной Уралии,
Где столько радости украли мы,
Купаясь вместе в беспечалии...
И пусть кругом идут нахалии —
Мы знаем прелесть безначалии,
Ведь счастье осени встречали мы
В любви, согласи и так далее...
28.09.2012 г.; 10-00

ЛИСТОПАД

Листья падают внезапно,
Уходя в небытие...
Ты широкими глазами
Прямо в сердце зришь моё.
Невозвратная богиня,
Спутник юности моей,
Сердце мука не покинет
Тех весенних сладких дней.

Ты ушла в теплыни мая,
Но осенняя тоска
В сердце волны поднимает —
Как ты рядом и близка...
29.09.2012 г.; 20-30

* * *

*Дочери — в день 70-летия её матери
и утверждению в учёной степени*

Моя любимая дочурка,
Ушедшей матери двойник,
Напоминающая чудно
Прелестной жизни каждый миг...
Сегодня Матери могло быть
Десятилетиям ровно семь,
Тебя носившая в утробе,
Достойная любых поэм...
И всё же, всё же, без сомненья,
Она б поздравила тебя,
Как победившую в сраженьи,
Где истину не истребят...
Свою мечту в тебе лелея,
Она тебя бы обняла
И в день печальный юбилея
Твои одобрила дела...
Так всё слилось — твоя Учёность,
Её рожденье в октябре
И милой Маши увлечённость —
Коньки на радость детворе.

Жизнь многогранна и чудесна,
В ней — память — доблести родня,
И только в ней дано воскреснуть
Всем предкам, мудрость сохраняя...
21.10.2012 г.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

* * *

Испания, Голландия, Россия —
Носительницы всяческих чудес
Мне подарили столько славной силы
Как будто Бог, действительно воскрес...
Нас двигает по жизни интерес
Пока ещё коса нас не скосила,
А красота в адепты посвятила,
Прищурясь на технический прогресс...
Извечны трансформации любви,
Когда живое тянется к живому,
Целительно быть далеко от дому,
Где всё вещает: тайну улови...

И в этой книге на восьмом десятке
Я жду чудес, как воина — солдатки...
01.12.2012 г.

*Вместо предисловия к книге
«Реинкарнация любви».
Переписано 30.12.2012 г.*

ЗИМНИЙ ЛЕС (триптих)

* * *

Жить не могу без белизны
Крутого леса с чудными снегами,
Как будто воскрешаю жизнь при маме,
В оправе видя сладостные сны...
И ты, как девочка — видение весны —
С блестящими от радости глазами
Средь сосен вековых, как будто в раме
Зелёной без оттенка желтизны...
Как воскрешает этот древний бор
Всё детство и стремительную юность,
Как будто вправду молодость вернулась
И где-то вдалеке поёт незримый хор.

Сентиментальность! Как ты дорога мне...
Как бы хрусталь блеснул в холодном камне...
16.12.2012 г.

* * *

Сопутствует ли нам виденье детства
Когда живёшь так долго в тех местах,
Где леса небывалое соседство
И всех родных в земле сокрылся прах...
О том не скажешь в нескольких словах,
И только лес — испытанное средство,
Чтоб ощутить незримое наследство
Той доброты и влаги на глазах...

Неудовима в мире эта странность
Ассоциаций яви и чудес,
Где в глубине таится несказанность,
Которую несёт застывший лес...

Разительна контрастность стылой стужи,
Но только с ней мы оживаем вчуже...
16.12.2012 г.

* * *

Да, только с ней мы оживаем вчуже,
Когда на быстроте летящих лыж,
Не уступая леденящей стуже,
Мы будим звуком замершую тишь...
По склону ты стремительно летишь,
И этим бор не то чтобы разбужен,
А словно на мгновение сконфужен,
Как та сова, что упустиламышь...
Достоинство, что ищем мы в природе,
Есть достоянье, явное не всем.
Понять его дано лишь на свободе,
Где долг с любовью связан насовсем.

И тут бессильны и слова, и числа,
Поскольку только лес исполнен смысла...
16.12.2012 г.

КОНЕЦ 12 ГОДА...

1812 Конец двенадцатого года,
В котором столько было дат,
Где двухсотлетие баллад
Поэзии родной рапсода*,
Где Пушкина рождалась ода,
Ещё не ведая преград...

1912 И век исполнился Седова,
Отплывшего на парусах
На штурм колосса ледяного
В своих несбывшихся мечтах,
Сказавшего посмертно слово
И растворившегося в прах...

2012 И ныне... Ныне всё похоже...
Как будто жизни колесо
Какой-то оборот итожит
И превращается в... лассо...

1612 Полны предчувствий эти числа:
Четыре века смутных дней,
Когда над Родиной нависла
Беда, что ночи почерней...

Но ослабевшая держава
Умела выжить столько раз,
Что вряд ли мы имеем право
Стенать сегодня в этот час...

* «Певец в русском стане» В. А. Жуковский

Пусть мы слабеем день от дня,
Пусть пополам народ расколот
И в доме злобствует родня —
Не сокрушит нас даже молот.
Я знаю, знаю: Провиденье
Спасало Родину не раз,
Когда, исполнившись прощенья,
Мы к небу подымали глаз...
Дана молитва покаянья
Недаром в русском языке,
Что очищает все деянья
Вблизи и в дальнем далеке...
30.12.2012 г.

ИТОЖА ГОД

Торопливый итог непреложен
Для живого в конце декабря,
В полноте он не слишком возможен,
Но насущ он, конечно, не зря...
Написал я две книги благие,
И одну — про родимый район,
Где прошли мои дни золотые,
Где был я в свою Милу влюблён...
Но предстал он теперь в своей мощи
И геройстве всех прожитых лет,
Как титан... А сказать если проще,
Как романтик и нищий поэт...
Летописцем себя не считая,
Я чертил его праведный путь

От Голландии и до Китая,
Сколько горя вобравшего в грудь...
Миллионы скитальцев и войны
Перепутаны в нём без стыда,
Лишь на кладбищах стынет спокойно
Молчаливо людская беда...
Но гудят поезда магистралей,
Вырастают домов этажи,
И изделия из катаной стали
Превращаются в витражи..
Оголяя леса и деревни,
Пухнет город, собою гордясь,
В лимузинах — невесты-царевны,
В кабинетах — начальник, как князь...
Осуждать бесполезно распутство
И клеймить лишь зазря воровство:
Упиваясь своим безрассудством,
Каждый жаждет пути своего...
Лишь поэт и историк сумеет
Воссоздать из бесславья тот миф,
Что и правнукам душу согреет,
Честь очистив и злобу смилив...
Я гордился, тот труд завершая.
Ведь недаром сказал ещё грек:
«Где родиться — сгодишься ль, не знаем...
А сгодишься — тогда человек!»
2012 г.

АНКОР, ЕЩЁ АНКОР... (прыжок, ещё прыжок)

Эта странная картинка*
Стиля «рус миниатюр» —
Изваянье поединка,
Наподобие гравюр...
Неудачливый поручик,
Одуревши от вина,
Через палку прыгать учит
Пса, шального, всё спяна...
Сам валяясь на кровати
В жарко топленной избе,
Он не в форме, а в халате,
Перепацканном в гульбе...
Безнадёжная карьера,
Тупо скроена судьба,
Полусумрак интерьера
На подточенных столбах...
Пёс артачится и лает,
А хозяин озверел
Палку вот-вот поломает,
Ощущая беспредел...
Палка та по голым спинам
Походила, видно, всласть...
Самолюбья поединок...
Такова в России власть...
31.12.2012 г.

* Картина художника Федотова, сошедшего после неё с ума... XIX в. Николаевская Россия.

МАША И МАМА

«Меня никто не понимает —
Маша мамочке сопит —
Только куклы. Только заяц,
Хоть невзрачный он на вид...
Дед бранится. Ты ругаешь.
Папа — тоже тот кричит.
У меня игрушек залежь,
Каждый — с лаской говорит»...

Отвечает мама кротко
С заграницы прилетя:
«Непослушна ты, красотка,
Словно малое дитя.
Стала ты так непослушна,
Своевольна. А каприз
Каждый твой и слушать скушно,
Чуть чего — давай сюрприз»...

Грустно слушать это деду,
Понимая, что любовь
Не бывает только в среду.
Каждый день её готовь...
31.12.2012 г.

БЮДЖЕТНЫЙ ОБРЫВ В США

Вот и ладно. Вот и славно.
Помирились в США
Мудрецы страны заглавной
Что не съест доходы вша...
Будет сделка хороша,
Обойдём стремнину плавно,
Напечатаем исправно
Баксы в цену — два гроша...
А долги — пусть платят страны
Всей планеты в простоте,
Не расчухавши обманы
По торговой темноте...
Семь триллионов или десять...
Виртуален мир теперь.
На грядущее навесить
Долг от нашенских потерь...
Славно жить в стране могучей,
Где брильянтов — завались...
Спишет всё война на случай
Коли курс поедет вниз...
31.12.2012 г.

МИР В КОНЦЕ 2012 ГОДА

Как идёт прогресс великий —
Не нарадуемся мы.
Аплодируют под крики
Все могучие умы...
Электронные планшетки
От детей до стариков
Пальцем жмут, как на гашетки,
Миллиарды дураков...
К чёрту книги, сантименты,
Письма слёзные родни,
Потребительства клиенты
Все, от малой ребятни...
Всё кругом на распродаже —
Совесть, честность и мораль
В этом страшном раскардаже
Даже матери не жаль...
Глобализм — одна идея
От Канберры до Кремля
Мчится, нефти не жалея,
В хладном Космосе земля...
Пол- планеты голодает,
В рабство нищие идут,
Но зато — прогресс в Китае,
Пусть китайцы мир спасут...
Ты, Европа, стань музеем,
Ты, Россия, стань сосуд,
Где ресурсы дешевают
И продажен даже суд...

А отсталые народы
Пусть дерутся меж собой,
Террористы где уроды
Подымают мордобой...
Так по воле той элиты,
Что богатства копит впредь,
Стали все мы знамениты
Тем, что долг наш — умереть...
Умереть, но покупая
Дешеветую дрянь,
Потому, что жизнь такая,
Как изношенная ткань...
Красота — в заморских странах
Исккупаться в январе,
Красота — в кафе-шантанах
Развлекаться детворе...
Красота — на иномарках
Пошашлычить у реки,
Красота — на горных стартах
Лыжи смазать от руки...
И ломиться в распродажи
Кубометров барахла,
И стрелять в ажиотаже
Малолеток без числа...
Подпалив свою планету,
Смытьсья хоть бы на Луну...
Но другой планеты нету.
Сохранить бы нам одну...

31.12.2012 г.

*Написано в ночь Новогодья и телешоу
исключительного по масштабу идиотизма*

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СЫНА.

В авторской книге «Записей» автор волен приводить любые лирические и хроникальные материалы.

Воспользовавшись вновь найденными в 2013 году записями моей матери, я решаюсь заключить ими свою авторскую книгу. Лирика и искренность её совпадают с моими собственными чувствами нашего времени — эпохой новых катастроф и неурядиц. Пусть наши дети и внуки, читая строки эпохи 1940—45 гг., поймут ближе мужество и стойкость наших матерей, как завет поколений...

Автор и сын

Надежда Васильевна Алфеева

ЗАПИСИ О МОЕЙ ЖИЗНИ В ВОЙНУ

Начато с 13 декабря 1973 г.
по просьбе Киры

На днях как-то, между прочим — Кира мне сказал, Мама — я тебя хочу просить — будет у тебя свободное время, запиши что сможешь из жизни в военное время. И вот пришла я к этому его желанию, и хочется мне записать о тех годах, давно уже прошедших, но раздумывая о них ночью, лёжа в постели в часы бессонницы — страницы из прожитой жизни бегут легко, вспоминается многое и быть может кое-что из написанного мною, что я смогу, и пригодится для Киры...

Начну с того времени, с 1939 года, счастливого, спокойного, когда мы уже жили на этой квартире, в которой живем и по настоящее время. Помню с какой радостью я ходила по квартире новой, в которой ещё никто не жил (дом был построен заводом им. Колющенко) капитально — высокие комнаты, удобные, с массой встроенных шкафов (в каждой комнате) — высокие окна, и даже в ванной комнате настоящее большое окно, плитами кафельными отделан пол в ванной, в туалете. А главное, высоко и просторно в отдельной 3-комнатной квартире — я радовалась как ребенок, высоте, воздуху, настоящим окнам, чистым крашеным полам, высоким дверям. Мне все хо-

телось смеяться и радоваться беспричинно — не зная чему... Помню на Новый год я с Алёшей поехали в Свердловск — было так хорошо. Впервые мы оба были хорошо устроены — он на работе в юридической консультации — адвокат, а я — врачом отоларингологом в поликлинике, которая помещалась напротив нас. С нами жила Агния Васильевна и Ирочка, которой было тогда 7 лет. В Свердловске было шумно, весело, интересно, мы после долгой неустроенности жилищной чувствовали себя спокойно и счастливо. Помню, проходя по улице Вайнера в Свердловске, зашли в какой-то маленький магазинчик (он и сейчас ещё сохранился) и Алёша купил мне тогда браслет из малахита с финифтяной отделкой — я, конечно, была очень довольна, браслет был изящный, камни зелёного цвета, гладко отполированные с рисунком. Обрато ехали ночью одни в купе... и были счастливы безмерно. В январе уже я узнала, что у меня должен быть ребёнок. Несмотря на Алёшины разговоры о том, что уже поздно нам теперь иметь второго ребёнка (нам было тогда по 34 года)... я уступив его просьбе сходила к гинекологу, приняла только 5—6 сеансов диатермина и ничего этим не добившись — отказалась что либо ещё применять — и стала с необыкновенной радостью в душе и во всем своем существе ждать другого ребёнка. Ходила я легко, ничем не болела и чувствовала себя совсем хорошо. Была конечно полная, но помню как учительница немецкого

языка, которую где-то разыскал Алёша для уроков на дому для Ирочки, даже не замечала что я в положении до того, пока я сама ей об этом не сказала, так хорошо и здорово я выглядела.

В ½ моей беременности, а может быть и раньше, меня взяли через военкомат врачом в госпиталь к доктору Тарасову П. М. (он недавно умер). Во время финской войны мы лечили обмороженных, контуженных, которые были тогда сконцентрированы в нашем госпитале 1722 — под руководством, как я выше сказала, Тарасова П. М. Конечно работы было много, серьёзной, трудной и на нервах. Но я тогда была ещё очень бодрa, молода и счастлива своей личной жизнью и мне было легко и даже интересно работать под руководством Петра Михайловича. Помню, что когда нас заставляли идти и покупать новую, для нас приготовленную, одежду (гимнастерки и зеленого же цвета юбки, костюм с кожаным поясом) мне пришлось идти в П. М. и сказать ему, что у меня ведь такое положение... в данном случае несчастье — я не могу носить ведь этот военный костюм! П. М. улыбаясь мягко и как-то нежно смотря на меня сказал — Да ведь это величайшее счастье — ребёнок! Я ведь тогда не знала, что у него нет детей — и не было — он так и умер, отдавая всего себя науке, работе — в последнее время он был и директор Мединститута и завкафедрой общей хирургии Челябинского мединститута. Тогда он был ещё молодым

и энергичным человеком, красивым, интересным мужчиной, не прочь поухаживать за молодыми женщинами, которым он тоже очень нравился. Помню, что поговаривали о его пристрастном отношении к врачу глазнику. Финская война окончилась — у меня благополучно родился сын 19 сентября 1940(?). Крикун такой, что привезенный домой из роддома Ольгой Михайловной и мной (Алёша был в командировке), в квартиру в которой было холодно (не включали ещё паровое отопление) — он кричал — неизвестно почему не переставая, не давая покоя никому из ухаживающих за ним: мне, Ольге Михайловне, Агнии Васильевне, но потом как-то все успокоилось и я только хорошо помню, что я решила кормить его грудью как можно дольше — до года — и давать ему соску, чего я не делала в своё время с Ирочкой, ибо строго кормила её по часам и по минутам, весов у меня не было, не качала её в коляске, и не давала соски. Ребёнок рос чудесный веселый, игривый, умный — это сразу было видно по глазам. Я кормила его сама, так как работа моя была близко — и я смогла ходить свободно домой на кормление. Помню, что отец не чуял себя от радости — он так его любил, что купил специально для себя велосипед, чтобы в любое свободное время приезжать домой с работы и посидеть и полюбоваться на своего сына... И когда сын был уже способен сидеть, он привязав к велосипеду подушку сажал его и катал по двору.

Наивно и забавно — ведь Кире не было ещё и одного года... когда началась война 1941 года! Да, мало, очень мало пришлось отцу полюбоваться своим сыном, а сыну — совсем не удалось и в памяти своей оставить воспоминание об отце... только карточка папы, письма папы с фронта... и его стихи, что кое-что осталось у меня.

Теперь уже сыну исполнилось 32 года, его сыну Алёшеньке в апреле 1974 будет 9 лет, дочурке Анюте 11 ноября исполнилось 5 месяцев... Ирочке — 42 года, её сыну — 18 лет. Она одинока. А мне уже скоро в мае 1974 будет семьдесят лет! Сколько пережито и прожито за эти годы... Моё здоровье не очень хорошо, у меня что-то вроде астмы бронхиальной, этой весной я лежала в больнице в феврале и чуть было мне не пришёл конец. Вышла я оттуда совершенно больной и измученной и своей болезнью и всем тем, что мне пришлось увидеть там и пережить: за время моего пребывания там (3 нед.) умерло там 9 человек, правда пожилых — все от инфарктов и т. д. Я еле отошла от всего пережитого и болезни своей дома, лето чувствовала себя хорошо, а с наступлением холодов, опять простудилась, закашляла, началась одышка. Сколько я ещё проживу — не знаю.

На днях была хорошая погода — днем 0—+1 солнце, голубое небо, и хотя я очень устала возясь на кухне, закончив свои там дела, я позвала свою приятельницу Ал. Фед. пройтись на улице — и

так как было очень хорошо — солнечно и почти без ветра — мы проехали до нашего парка и гуляли там по шоссе более 2-х часов. Это впервые в эту осень. Все время до этого дня — я не смогла выбраться из дома. Мы ходили не торопясь и тема нашего разговора была — время войны. Ал. Фед. так расстроилась вспоминая свои страдания и переживания — не будем говорить об этом времени Над. Вас. — говорила она расстроенным голосом — слишком это тяжело вспоминать — подумать только — как помнится — сколько терзаний, и сколько это стоило и Вам и мне это сил, нервов и здоровья! И дома, придя, — я подумала об этом незабываемом времени, о том, что пришлось пережить за это время, что видеть и что слышать, попробую хоть как-нибудь записать об этом. Ведь об этом просит мой дорогой, мой любимый и единственный сын, моя надежда в жизни, моя отрада и счастье моё в жизни.

Помню, как говорила Фаня Израилевна, вспоминая о моем муже — Алексее Алексеевиче... для нас, живущих в то время в одном доме — было очень интересно смотреть на новых жильцов из 10-й квартиры: оба молодые, красивые, хорошо одетые — на ней красивая нарядная летняя шляпа с широкими полями, пальто габардиновое дорогое, на нём — высокого роста, стройном молодом человеке — тоже красивый, нарядный костюм. Боа — очень хороши. Я очень любовалась

тогда на вас смотря с интересом — да — было то прекрасная пора — очень короткая, правда, — нашей жизни. И вдруг как все люди, живущие в те дни в Советской России, в этот чудесный июньский день 22 числа в воскресенье — услышали по радио голос И. В. Сталина(?): «Дорогие соотечественники, братья и сёстры...» Началась война.

Помню, что все спуталось сразу в чувствах, мыслях и душе... навалилась ужасная тяжесть и мысли понеслись одна тяжелей другой. А что же нас теперь будет ожидать... какое горе и переживания встретятся нам теперь, и как будем жить, и что с нами будет... А случилось сразу уже то, что меня как врача, уже как военнообязанного человека — призвали в армию, буквально через несколько дней после объявления войны. Я сделала отметку в трудовой книжке — что уволена с работы по мобилизации в армию и уже спустя несколько дней начала работу в военном госпитале, сначала в одном (1722) — обще-хирургического типа, а затем в специализированном челюстно-лицевом (1738), где и работала почти до полного окончания войны. Так как у меня имелось двое детей — Ирочка 8 лет и Кира 1 год, то меня на фронт не отправляли, а оставили на работе в тылу, где я и работала во время войны без выходных с 8 часов утра до 7—8 часов вечера — не меньше чем 12 часов в сутки ежедневно. Как должны были жить дети маленькие ещё очень, по

12 часов остававшиеся дома без матери и отца (Алёшу мобилизовали в армию осенью через 2—3 месяца после меня в этот же 1941 год) и кто должен был за ними смотреть, ходить и ухаживать — никого это не интересовало в то время. А обстановка была такая, в первые дни, а тем более недели — в магазинах сейчас же все исчезло — сахар, мука, хлеб, крупа и т.д. на полках оставалось первые ещё дни варенье из лепестков роз!.. а кому они были нужны!.. Впрочем, и эти банки вскоре исчезли. Очень скоро и площадь жилая в нашей квартире у нас сократилась. Придя вечером как-то с работы — я увидела, что все наши вещи из первой комнаты были выкинуты в большую, а комната была занята семьёй военпреда — который приехал из Москвы и будет принимать военную продукцию на заводе «Колыщенко». Дом, который был отстроен и занят работниками этого завода, в поликлинике которого работала и я и лечила весь контингент завода и рабочих и служащих. Что же, жаловаться некому, и незачем было — Война! Так и жили. К осени же приехала к нам из Свердловска от брата Григория Алексеевича его сестра Ольга Алексеевна Тедер, — она уехала из Москвы, чуть ли не с последним поездом, когда немцы наступали на Москву... терпела долго, но забравши кое-какие свои вещицы (главным образом тряпки, кое-что из книг и фотографии) — она все-таки бросила свою московскую квартиру (так она обратно туда и не

попала: умерла 29 февраля 1944 г. высокосный! У нас в Челябинске) — и уехала в Свердловск. Но там она прожила очень мало, Гриша не хотел чтобы она жила с ними, тогда она, спасая себя, приехала мне помогать. Забегая несколько вперед — скажу, почему она поехала ко мне — потому что она уже в то время страдала открытой формой туберкулеза легких и зная об этом Гр. Алекс., не позволил ей жить у себя (у него тогда была одна Лиза маленькая, Алёша родился уже после войны), но и мне ничего никогда об этом не сказал! А Ольга Алексеевна, зная что она такая больная, не сказала мне об этом ни ½ слова! Жила у меня и почти 3 года! Скрывала всячески свою болезнь. Узнав о том, что она была больна открытой формой туберкулеза легких, я не могла до глубины души своей не возмутиться, как я тогда считала подлостью этого человека — и при первой же возможности, когда военпреда перевели вновь в Москву (немцы были отброшены от Москвы), и освободилась наша первая комната (малая), я её самолично тогда заняла и поместила туда Ольгу Алексеевну, где она и прожила, изолированная от детей до самой своей смерти. Домоуправление ничего не могло тогда сделать против меня. До сих пор я чувствую своё терзание, горе, страх за детей, что они оба могут или могли заболеть туберкулезом и на душе моей и сердце, была такая непередаваемая боль тоски и страдания, что и сейчас когда я пишу эти строки,

все пережитое встает передо мной во всей своей боли, и остроте. Да, дела давно минувших дней... но боль за то, что по моей неосмотрительности, недальновидности, доверчивости и, я бы сказала, какой-то наивности и простоте, я могла погубить своих детей. Узнав тогда всю доскональную правду об О. А., я была как разъяренная тигрица, согласная из-за детей в порошок стереть с лица земли человека, воспользовавшегося моей простотой, несмотря на то, что она ближайшая моя родственница, культурный человек, любящая своих племянников! Обожающая Киру... и живущая на мои средства, скудные весьма в то военное время! Да — на моем иждивении тогда в войну были — Ирочка, Кирушка, Ольга Алексеевна, Агния Васильевна (тоже какая-то дальняя родственница матери моего мужа Алекс. Алекс.) пожилая одинокая женщина! А я работая с 8 часов утра до 8 часов вечера ежедневно без выходных, одна с детьми получала тогда 980 руб. зарплату и почти никакого пайка — а эти деньги стоили всего-навсего только 2 литра молока! Все они получали по 360 гр. черного хлеба и какую-то еду — почти ничего. Жили только на то, что было в доме возможно сменять на продукты (кое-что из вещей: велосипед, обувь, одежду, пальто, ружье и т. д.)

Агния Васильевна вскоре после начала войны, наверное зимой 1941 года, тяжелой, голодной, да еще живя с Ольгой Алексеевной, которая вероятно очень жестоко обходилась с ней (особенно

с питанием — всем не хватало) — заболела тяжелой формой дистрофии (у неё был преждевременнейший понос) — её увезли куда-то далеко за город скорая помощь в больницу дистрофиков, где она вскоре и умерла, откуда её и похоронили. Похороны Ольги Алексеевны я устроила по настоящему (Гриша переводил 1000 руб.) — в доме у нас были устроены поминки, а комнату я выбелила тщательно и туда переселились мы как смогли, позднее в ней жил один Кира, а когда Ирочка уезжала учиться в Свердловск, мама и я стали жить вместе, а раньше я жила одна в той комнате.

Я хорошо относилась к Ольге Алексеевне, пока не знала что она такая, помню в суровые холодные, темные вечера, я придя с ужасной работы пешком из города (госпиталь был расположен по улице Труда возле моста через Миасс в бывшей школе, сейчас там тоже школа) — еле живая, настолько была уставшей, что у меня язык с трудом говорил, сидя на кухне в тепле, поевши какого-то супа из мерзлой капусты, чуть отойдя, мы закуривали табачку (козью ножку из табака, что мне дарили раненые, а я его приносила домой). Ольга Алексеевна курила и много — сидели и немного говорили о том, что было без меня дома, и что было у меня на работе. Моё и наше счастье было, что мы жили в заводском доме, который в войну отапливался заводским углём, а завод был успевающим, работающим на оборону. У нас в доме

было очень тепло, внизу была кочегарка, топили кочегары круглые сутки, а золу выгребали и выносили сами кочегары перед нашими окнами, и наносили за войну целую гору. Так как живем мы на первом этаже, то днем и света было недостаточно из-за золы. Но война ведь окончилась, золу увезли, разровняли землю, старые дома, которые были перед нашими окнами разрушили, разобрали, сделали широкую улицу, печь в кочегарке тоже после войны разобрали, провели бойлер, провели горячую воду, теперь стало светло и горячая вода и днем и ночью... А тогда...

Придя домой, я детей заставляла только в кровати. Кира часто болел, все у него находили воспаление лёгких, без конца его лечили пенициллином и стрептоцидом и другими сульфамидами. Ольге Алексеевне было очень хорошо ухаживать за ребенком, когда он лежал в постели, ей наверное было и тяжело ходить за ним. Спасло детей тогда только то, что они ежедневно брали 1 литр молока и пили его — молочница брала за молоко вещи (благо их на первый год войны хватило). Зима 41-го была очень холодная, голодная и уже к весне 1942 г. в городе и во всех учреждениях поднялась кампания за посадку населением картофеля. От госпиталя нам дали очень хорошие участки земли, сравнительно недалеко от города, где мы и сажали картофель. Почти ежегодно несколько лет подряд весь город и мы тоже сажали картофель — картофель и спас нас и все кто за-

нимались посадкой его — от верной гибели. Картофель шёл на 1-е блюдо и второе тоже. Я имела возможность доставать рыбий жир и тогда это было уже совсем лакомство: картофель на рыбьем жире. Ели его в невероятном количестве. Алёша вскоре после призыва был отправлен для учения в часть в г. Троицк. Интересно, что когда он ехал туда — на станции Златоуст, он встретился с Ольгой Михайловной Дятловой, она тогда работала стенографисткой у Начальника железной дороги и разбегалась с ним в одном вагоне по командировкам. Они встретились совершенно случайно... и последний раз она видела тогда там Алёшу. Это было зимой 1941 года.

Я ездила к Алёше в Троицк, когда им объявили, что их часть скоро должна была отправиться ближе к фронту, и тогда им разрешили свидание с родными. Помню какой-то большой 2-х этажный деревянный дом, частный. На краю какой-то обширной площади. Двор захудалый, уборная холодная во дворе. Алёша снимал у них комнату. Два дня я прожила у Алёши. Он кормил меня в центре города — в военной столовой, где помню стоял какой-то особенный запах жареной картошки, рыбы и ещё какой-то особенный аромат. Наверное селёдки. Всё было как-то по особому и грустному. Меня всё время не оставляло чувство потери — особенно когда Алёша поехал и провожал меня на вокзале в Троицке. Я стояла, а в голове все мучила и вертелась дурацкая мысль

— вижу его последний раз — последний раз... Почему? — Не знаю...

Вообще из-за переживаний, всяческих потрясений, бесконечного утомления и физической усталости, я всё время находилась в какой-то потусторонности — душевной онемелости. На вид — я помню настолько была похудевшей, что когда мне нужно было идти к дяде Коле на встречу Нового года — а я была ведь тогда ещё сравнительно молода — 35—36 лет, мне ни одно платье не пришлось в пору — все они были мне настолько длинны, чуть ли не до пола, болтались как на вешалке (такая я была худая). Пришлось что-то ушивать, подшивать и т.д., а я принялась слёзы лить — так было горестно мне смотреть на саму себя! Прошёл сорок второй год... Работа, работа, усталость. В госпитале масса больных, наверное человек 250—300. Я работала начальником отделения, отделение было на третьем этаже. С утра пятиминутка, где начальник госпиталя, женщина пожилая, в военной форме, политрук молодой, красивый (откормленный начальницей, равнодушной к нему), все врачи, работающие в протезной (эвакуированные из Киева) — зуб-врачи, протезисты, ординаторы, начальники отделений — обязательно все присутствовали. Рапорт от дежурного персонала за ночь, зачитывались приказы и обязательная сводка о событиях на фронтах... и обязательные разгоны за нерадивых, и обязательные призывы к работе: все лучше и

больше давать фронту 95% выздоровления солдат... Ежедневно, ежедневно...

Наше отделение было отличником по работе, у меня в трудовой книжке к каждому празднику были приказы о благодарности начальства госпиталя. Действительно в отделении был порядок, дисциплина, чистота. Всем этим были обязаны мы моей старшей сестре медицинской Метелёвой. По окончании войны она поступила в мединститут, здесь в Челябинске, а работала долгое время гинекологом в железнодорожной больнице. Не так давно я слышала, что она очень больна, сердечным заболеванием и что здоровье её очень плохое. Жива ли она сейчас — не знаю. (Жива — К. Ш.)

Из эпизодов того времени помню: как-то меня пригласило начальство госпиталя уже в конце рабочего дня к ним в кабинет. На встречу с шефами госпиталя. И мне дал на встрече с ними, выпить какую-то жидкость из стакана на встрече «За победу». Я вообще пила и пью очень мало, а тут наверно был дан разведенный спирт. Я конечно опьянела, но была способна разговаривать и говорила за столом, но поднявшись из-за стола, я почувствовала, что не могу идти домой, я поднялась к себе на этаж, зашла в перевязочную и так как мне негде было лечь, я устроилась на перевязочном столе... испытывала при этом необычайное прекрасное головокружение. Стоило мне немного приподняться или перевернуться на

бок, как головокружение невероятной приятности заливало меня всю и я испытывала при этом снова это приятное головокружение от опьянения. Подобного состояния со мной больше в жизни не было — помню что это состояние держалось часа 2—3. Потом я уснула, а рано утром — опять работа, работа.

Раненые были в большинстве случаев очень тяжёлые, ранения в голову, лицо, верхнюю и нижнюю челюсти, ухо. На неделе было 2—3 операционных дня, в которых я обычно тоже принимала участие. До сих пор я не могу понять, откуда брались у нас всех, работающих в госпитале тогда, силы... Питались мы очень плохо. Дело в том, что только первые 2—3 месяца мы считались военнообязанными, мобилизованными, а потом — мы были мобилизованные, но не военными — **нам не полагалась военная форма, а также и снабжение.** Мы не были гражданскими людьми и не были военными... но распорядок дня рабочего у нас был военным. Работать сколько потребуется, хоть сутками... Когда поступали новые больные с фронта, работали все — не покладая рук, а если сейчас в больницах на врача приходится в терапии 15—20 человек, то у нас на 3-х врачей приходилось по 30—40 человек на каждого, всех их нужно было наблюдать, лечить, перевязывать, многих оперировать и, конечно, оформлять в историях болезни. В госпитале были консультанты из профессуры,

приехавшие с Запада из Киева — хирург Колмановский, его жена «сожигательница» — как он о ней говорил — Жак Е. М. — талантливые хирурги, высококультурные. Был невропатолог — профессор, отоляринголог из Управления госпиталей. А дни летели и быстро, и тянулись настолько медленно, что неведомо когда и закончится это тяжелое время.

К концу 1942 года — утомление и физическое недомогание, слабость — настолько явственно стала сказываться на персонале, что начала выражаться в таком виде, что уже больше невозможно было терпеть — а именно — во время операции врачи начали терять сознание... и падать в обмороки... Пришлось принимать какие-то экстренные меры начальству. Например, стали подавать список врачей, которые будут оперировать на завтра... на кухне им полагался завтрак (горячее мясное блюдо какое-нибудь). Обычно его приносили в ординаторскую. Это было необыкновенно. Съешь такой кусочек пищи и чувствуешь сразу необычный прилив сил, а зато и очень хорошо и отчетливо помнишь, как кончался этот приступ энергии через 2—3 часа, все равно как в печке, огонь пока пожирает поленья — тепло, стоит им прогореть — как и тепло уходит. Никогда потом этого ощущения у меня не возникало. Был со мной и такой случай, чуть ли не стойвший мне жизни... Я как начальник отделения, была всегда очень занята — а тут нужно идти на операцию,

мыть руки, торопиться... в то время принесли завтрак, я второпях стала его глотать, не помню что это было, наверное какой-нибудь жесткий кусок мяса... и подавилась им так, что... стала задыхаться. На моё счастье, здесь же оказалась Евгения Михайловна Жак, с которой мы должны были оперировать — она не растерялась — сразу подбежала ко мне и затолкала мне свой палец в горло — кусок или был проглочен, или выскочил — я уже не помню, но этот ужас прошел, а то бы не знаю чем бы это кончилось, а я уже синела и хрипела. Теперь и Евгении Михайловны давно нет в живых, эта энергичная женщина погибла от рака кишечника. Её оперировали раз и узнав, что он был распространенный, ничего не сделавши — зашили. Объяснили ей, конечно, неправду. Она настояла на второй операции... Ну и что же? Да ничего. Смертью закончилось, как всегда. И её муж тоже погиб давно, и очень тяжело погибал — вплоть до того, что видя свое тяжелое состояние, прибегал к самоубийству, от которого его спасли — делали трахеостомию, искусственное питание, но он все равно уже давно на том свете. Тогда они были «светилами» в медицинском мире, оба были безукоризненно обладавшие хирургической техникой, тонкие специалисты, безукоризненные диагносты. Культурнейшие личности.

Помню как мы уставали. Существовала у нас врачебная комиссия, которая коммиссовала ране-

ных по окончании лечения и давала заключение о их годности, негодности, к военной службе и т.д. Все это согласно буквы закона оформлялось различными статьями и диагнозами. Работа требующая и времени, и точности. В этой комиссии были и постоянные члены и другие врачи, обычное число — 3 человека. Так вот, 2 человека сидят и работают, а третий дремлет или спит, а потом другой входит в это состояние, пока не наберет немного сил. Стали нас в обязательном порядке заставлять пить витамин «С», который готовила аптека, настаивая хвою на чем-то... пили... Потом стали выдавать мороженую картошку — мешок начальникам отделения... Из неё т.Лёля готовила суп для всех, и детей в том числе. Питались очень плохо, пайка не было, я вообще не знаю, как мы вытянули это время. Помню не раз, идя пешком после работы длинное расстояние (трамваи не ходили, троллейбусов не было ещё) — возле горсада у забора сплошь и рядом лежали и замерзали люди и окоченевшие мертвые... Не было страха, что тебе могут встретиться бандиты, погубить тебя, было отупение, очерствелость, безразличие. Одно время я даже думала, что мы не выдержим все и погибнем, настолько было тяжело тогда.

А в то же время другие люди в войну жили прекрасно, наживались, «жрали» за других, где могли и как могли. Наши соседи по комнатам, Шрон — имели ведрами масло сливочное, мясо, уйму валенок и полушубков и пр. и пр. Также

семья военпреда — готовила борщи, котлеты жарила на масле, запах от которых до боли в желудке раздражал нас всех. Не подумайте только, что они могли предложить кое-что из своих запасов, хотя бы детям... Ничего подобного — Ф. М. ходила по коридору и распевала «всё стало вокруг голубым и зелёным». У неё было всегда и в войну хорошее настроение.

Помню ужасный случай с доктором Шлионским. В госпитале он был одним из эвакуированных людей, приехавших из Киева, из центральной стоматологической поликлиники. Весь персонал был вывезен, или большая часть его, при чём они смогли забрать с собой и всё их «орудие производства» — то есть стоматологические инструменты, материалы. Вот на базе этой поликлиники и был в Челябинске организован челюстно-лицевой госпиталь для лежачих раненых в челюсти с нарушением зубов — которым делали эти специалисты шины, протезы зубные и т. д. Доктор Шлионский, начальник протезного отдела, был уже пожилой человек, у него был внук маленький, и из-за него-то и пострадал этот человек, любя его... Легко представить состояние пожилого человека, до войны, наверное, хорошо устроенного в быту, всё бросившего: и квартиру, и налаженную жизнь, перенесшего эвакуацию и попавшего в такие условия, где нужно было лишь работать, ничего за это не получая... а у него заболел любимый внук, небольшой мальчик, достать

ему хорошее питание: сахар, манную крупу и прочее невозможно... а нужно. У нас были введены правила снятия проб с обедов, завтраков и ужинов, которые готовились для раненых. Пробы снимали начальники отделов и врачи, обычно это приходилось 1 раз в неделю. На кухне подавались на пробу врачу, все блюда, какие готовились, можно было тогда все кушать и все пробовать. Давалось какое-то количество сахара к чаю. И вот такой случай... Утром дежурный докладывает в присутствии всех врачей и всего административного персонала на ежедневной «пятиминутке» о том, что он обнаружил «кражу» — дорожку из сахарного песка, которая вела в кабинет доктора Шлионского. Оказывается, он взял положенный ему сахар к чаю, в бумажку плохо его завернул и он рассыпался по дороге... и сам не съел, и внуку не досталось, а из этого сделали очень дурную историю... Доктор Шлионский не мог вынести этого глумления над ним, заболел... и вскоре умер. Надо полагать, что этот инцидент не был главной причиной для его состояния, но что это он явился толчком для его ухудшения несомненно. А этот сахар «на пробу» никто из врачей сам не употреблял, а всегда уносили его с собой (2—3 столовых ложки) своим детям, и я тоже всегда так делала.

Помню как этот недостаток сахара сладкого запомнился навсегда в памяти: Ирочка до сих пор вспоминает то абрикосовое повидло, вернее

джем, его выдавали как-то раз вместо сахара в банке по карточке, потому что в нем была вкраплена оса — так её привлек аромат абрикоса — и случай с ней запомнился на всю жизнь — как необыкновенное событие вкусное и прекрасное. Да, Ира, какие мелкие радости — на фоне бесконечных ограничений! Она делила всегда и хлеб — поровну всем — моя милая девочка — войну-то она запомнила хорошо... а так же и т.Лёлю, которая её очень не любила и мучила её, за её острый ум, острую несправедливость, которую чувствовала Ирочка по отношению к себе, беспредельно, благо мать отсутствовала целыми днями. Стоит посмотреть на фото Иры и Кирюши — военное время, эта фотография была сделана по настоянию Алёши, он хотел снять детей перед отъездом в армию. Помню, как сейчас, когда их снимали. Потом снимали наш групповой снимок, где сидит О. А., Алёша, я и дети... в нашей комнате на диване. Эти карточки есть у нас, их Алёша послал с фронта, которые брал с собой. Алёша редко писал из армии, из Троицка он был отправлен куда-то на Северо-Запад, там был на курсах командного состава несколько месяцев. Ему было присвоено звание лейтенанта, и так как он служил до армии адвокатом, то и был направлен в трибунал армии, где служил юристом. В конце лета 1943 года они должны были быть направлены непосредственно на фронт. Он пробыл в армии с начала почти войны с августа 1941 г., весь 1942 год и почти

весь 1943 год... и в моём сознании как-то тогда не появлялось чувства, что может быть что-то плохо с Алёшей — просто я наверное не хотела думать тогда о плохом — тем более что он писал, мы идём и идём на запад, а в последней открытке... впрочем зачем забегая вперёд.

Переписку с фронта от Алёши я отдала Кире, которую он взял у меня, когда ещё учился в 8-м классе школы, я думаю, что он сохранил её. Лишь только последняя открытка сохранилась у меня (найдена 16.06.2013 после ухода Иры — К. Ш.). Часто в первые годы войны Алёша писал, чтобы я купила козу, будет молоко для детей и т.д. Эта наивность его, меня всегда приводила в какое-то раздражающее состояние. Во-первых, даже если бы я и смогла купить козу, то где бы я её держала, как заготавливала и где могла приобретать корм, когда я должна была её доить и где пасти козу и т. д. и т. д. при моей занятости, усталости и болезненности Ол. Ал. Вероятно Алёша даже об этом и не предполагал в каком невозможном состоянии находились мы тогда! А Алёша всё писал и писал о том, что для детей необходимо молоко и лучше козье! Наивность. Они имели молоко всю войну (подчеркнуто К. Ш.) — но коровье и без лишних, ненужных и невозможных для нас, в условиях города, хлопот. Он очень беспокоился о детях, думал о них и для сына написал несколько детских стихотворений с картинками. Они, я думаю, сохранились как память.

Необыкновенно, что будучи в Москве, уже в военные годы, он смог послать нам электрические лампочки в виде свечей на ёлку детям! Эти лампочки у нас сохранились и сейчас, и смотря на эти огоньки в день Нового года, когда мы зажигаем ёлку, а мы ни одного года, пока живем, не жили без ёлки, мы встречаем с этими огоньками и вместе с Алёшей. Ведь это он покупал их... и смотря на лучащиеся и мерцающие разноцветные огоньки вспоминаешь много, много... удивительных исторических вещей.

Знаменательна и незабываема встреча, в моих только воспоминаниях теперь, по рассказу Гриши, когда он встретил на одной из центральных улиц Москвы в войну Алёшу. Оба брата, будучи уже военными, случайно встретились там, один с Западного фронта, другой — с Южного, идя по улице в Москве! Говорили они друг с другом много, Алёша просил Гришу, если что с ним случится — не забывать нас, помогать нам как только сможет. И правда, Гриша сдержал слово данное брату, он все года переписывался со мной, поздравлял всегда с праздниками, помогал Ирочке чем только мог, когда она училась в Свердловске, посылал нам подарки какие смог. Дружески всегда относился к Ирочке, ко мне, к маме и Кире. У него у самого была тоже очень сложная и тяжелая жизнь, унесшая его смерть была слишком для всех нас неожиданной и тяжелой... (этот эпизод разобран в книге А. Шишов. «Литературное насле-

дие» — К. Ш.). Благодаря тому, что Алёша окончил военные курсы и имел звание лейтенанта, я получила аттестат на детей, по которому длительное время получала деньги в банке, вначале на 2-х, а затем долго и на Киру... Позднее, когда Кирюша поступил в институт и получал стипендию (эти деньги он тратил на себя — главным образом покупал книги), я же получала до его учения в институте, т. е. до совершеннолетия — деньги по аттестату на него, высылала их Ирочке в Свердловск, когда она училась там в институте. На одну стипендию ей было бы уже слишком трудно жить и быть здоровой. таким образом Алёша мог долго помогать своим детям. Но я забегаю вперёд. Шёл август 1943 года, от Алёши по прежнему получала периодически сообщения с фронта, я работала в госпитале, дети были более или менее в хорошем состоянии — Ирочка училась, были хорошие перспективы на урожай картофеля. В этот второй год посадки картофеля было лучше все организовано — давали семена в госпитале на посадку, а во время посадки помогали слабо раненные солдаты из госпиталя, которых посылали в помощь нам начальник госпиталя — Михеева Надежда Семёновна. И вот наступил сентябрь — 10—15. В эти дни к нам в Челябинск приехал мой папа из Свердловска в командировку, он ведь работал до конца своей жизни, до 72 лет. Он, помню как сейчас, купил для детей арбуз и мёд — Ирочка до сих пор помнит его приезд. Все

были рады его приезду, особенно дети. Ирочка до сих пор помнит и дедушку, и его подарки. Сидели, ели арбуз, радовались, потому что это было необычайно тогда в это время. Вдруг Ол. Алекс. просит меня потанцевать — оказывается пришла открытка от Алёши — я её напишу сейчас... Я танцую перед ней, читаю и радуюсь, что он жив. Открытка, написана от 1 августа 1943 года, после того Ол. А. говорит мне, а вот ещё какое-то тебе письмо... треугольник. Я развёртываю его — и что же там было написано: Сообщаю Вам, уваж. Н. В. о том, что 3 сентября 1943 года при исполнении военнообязанностей, муж Ваш, погиб и т. д. Я не верю своим глазам — и не могу поверить — не могу ничего сообразить и почувствовать сразу, что же это такое... перед глазами запрыгали строчки письма... плохо... Ведь все было так хорошо, картофель собрали в тот год прекрасный урожай: 10—12 мешков в этот день привезли, мы уже приспособились к своей трудной и сложной жизни, смирились со многим — и вот такой резкий контраст с моим настроением и чувствами... Как долго во сне я встречалась с Алёшей, несколько лет я думала о нём, что это ошибка и что он вернется к нам... ждала его и конечно, безмерно страдала много, много лет, когда уже после войны и сразу после победы, раздавались салюты и весь народ праздновал этот праздник, я всегда внутренне обливалась слезами и горечь неизбежная мучила меня.

За дальностью лет, чувства притупились, но горечь одиночества все ещё грызет меня и глохнет до сих пор, наверное так будет продолжаться до конца моих дней.

Вот копия с открытки Алёши к нам, посланная 6/IX-43 г. полевая почта, полученная 19/9-43 г. в Челябинске. Адрес отправителя ПП № 36497 Ясневу для Шишева А.А.

1 сент. 43 г.
Западный фронт

Милый мой дружок, Наденька!

Ещё получил твое письмо, давно уже, а ответить не могу, мы идем и идем на Запад, к*****, фрицы покатались. Это самая зап. область РСФСР очень хороша, живописна. Погода в конце августа была славная, жаркая, но ночи холодные. Как смогу — отвечу письмом. Получил письмо Оринушки и Гриши, оба очень милые и вызывающих на разговор, но писать пока «неколи». Поцелуй за меня дочку за письмо.

Не обижай и ты меня, думая, что есть вещи, Вас касаемые — но они мне де ни к чему. Это неправда.

Все ваши горести, заботы и печали я могу себе представить и делаю это каждый день и знаю, что тебе в 100 раз труднее моего. Рвусь помочь, да только нечем пока. Но в одном ты неправа ещё и расточительна: в отношении своего здоровья. Нужно проявить предусмотрительность и беречь себя хотя бы ради детей. Не забывай об этом.

Привет всем, всем. Целую детей и тебя.
Твой. А.

А вот текст письма в треугольнике:

Челябинск, ул. Ленина — дом 80-а кв. 10
Алфеевой Надежде Васильевне
П. а. 30716 т. Беякову Василию
Прохоровичу
6 сентября 1943 года
Получено в Челябинске 17/IX-43 г.

Здравствуй Надежда Васильевна!

Простите, что я являюсь для Вас мрачным вестником, но я выполняю Алексея Алексеевича волю. Сообщаю Вам, что 3 сентября Алексей Алексеевич Шишев погиб при выполнении боевого задания.

Накануне 3-го числа он мне дал свой адрес и просил, чтоб в случае чего я сообщил. Это пишет Вам его друг с которым он жил всё это лето вместе с кем делили и радость и горе пополам.

Прошу Вас, если что Вас интересует пишите по адресу

Полевая почта 30716 т. Беякову Василию Прохоровичу.

Прошу простить меня, что так коротко сообщая, дело в том, что я сегодня очень расстроен. Получил из дома письмо в котором сообщают, что моя мать при смерти и плюс к тому сам жду приказа идти в бой.

До свидания.

(*Последние два письма имеют мои комментарии — см. «А. Шишов. Литературное наследие» — Челябинск, 2010 — К. Ш.*)

Эту открытку последнюю (от Алёши — К. Ш.) я сохранила конечно, как реликвию.

Между прочим с ней случилось невероятное происшествие. Одно время в трамваях у нас были постоянные кражи и воровство (после какой-то амнистии), ходили они очень редко, народу всегда в трамваях было очень много, когда садились и выходили — была невероятная давка... вот один раз у меня при выходе, раскрыли сумку и вытащили из неё все, что в ней было — и между прочим путевку Ирочки в пионерлагерь, и Алёшину открытку, которую я постоянно носила тогда с собой. Всё это меня огорчило невероятно. Путевку мне выдали вторично, потому что, о пропаже я сообщила сразу же, а вот открытку Алёши, мне казалось, уже больше я не увижу... И что же! — прошло какое-то время, и вдруг я получаю письмо, в котором написано, что если меня интересуют мои документы, найденные во дворе такого-то дома, похоже подброшенные, то просят меня зайти туда-то по прилагаемому адресу. Конечно, я была там — и вот открытка Алёши у меня в руках и теперь она у меня хранится — вот уже сколько лет! Интересно всё в этой истории. Нужно было кому-то, чтобы вся эта история произошла так, чтобы все таки успокоить меня,

хотя бы тем, чтобы я имела эту драгоценность в своих руках. Мне даже кажется, что в этом есть какая-то символичность. (Замечательное обобщение! — К. Ш.)

Я писала раньше, что в 1943 году весь персонал госпиталя, как впрочем и весь народ, чувствовал себя настолько плохо из-за плохого питания, усталости, что для того чтобы, в первую очередь — хорошо питать и добиться быстрого выздоровления раненых в госпитале, требовались особые меры. Были организованы лечебно-оздоровительные лагеря для раненых. Был такой лагерь организован и при нашем госпитале — 3884, далеко за городом организовали хозяйство, куда отвозили все остатки от еды (госпитального питания раненых), приобрели поросят и стали их разводить и откармливать. Посадили там картофель и овощи. Появилось добавочное мясо, овощи и т. д. Вот из этого-то, вероятно, мяса и готовились нам завтраки (врачам перед тем которые должны были вести в этот день операции).

Помню очень хорошо, как в госпитале, в какой-то летний день, была организована поездка сотрудников госпиталя с их детьми на природу, в этот оздоровительный лагерь для выздоравливающих раненых, которые там уже не лечились, а работали, помогали в хозяйственных работах, кололи дрова, варили, копали и т. д. В лагере были организованы столы для угощения чем-то и какой-то маленький концерт. Со мной

ездили и Ирочка, и Кира. (Первая картина ясной памяти у меня — К. Ш.) Никогда не забуду, как пожилые солдаты окружили Кириюшу и глядя на него со слезами радости и горести одновременно, ласкали его, говорили с ним, и угощали его кусочками сахара, которые как лакомство было в то время. Они вспоминали своих дорогих и милых их сердцу детишек, сыновей и внуков и воспоминания эти, глядя на детей чужих, — были их сердцу и отрада и горькие страдания, по разлуке с ними — и мысли, наверное, уносились у них по этому далеко — в свои родные семьи... Когда они вернутся туда — и увидят ли они своих детей вообще — ведь, из оздоровительного лагеря раненых, обычно, выписывали снова на фронт. А войне ведь конца ещё тогда не предвиделось.

Свечерело, — затеяли песни и старые, и новые — было состояние необыкновенной проникновенности и какого-то лирического настроения. Оказывается, наша начальница госпиталя Надежда Семеновна и София Илларионовна Череваткина — заведующая лечебным подразделением (лечпод) — подруги со школьной скамьи и большие друзья, и, кроме того, друзья, любящие пение и знающие много русских народных и старинных песен. И так они пели вдвоём с упоением и удовольствием, что я до сих пор помню, как они выводили первый и второй голос, а песня была про звезду — «гори, гори моя звезда... гори — не угасай»... слов не помню. И военные песни — тогда

только что появившиеся и трогающие за душу своими словами и трагизмом... «ты у детской кровати сидишь... а до смерти четыре шага»...

Помню случай, когда у нас был маленький перерыв в работе, и мы уходили в физкабинет и ложились там на деревянные топчаны, покрытые простынями (куда ложились больные, принимая лечение) — я лежала рядом с врачом, молодой из Киева эвакуированной. У неё в жизни случилось так, что перед самой войной, они отвезли своего маленького сына к бабушке (её маме) в Белую Церковь, а она с мужем проводили отпуск вместе. Вдруг объявление войны — её сейчас же как врача мобилизуют и отправляют на фронт, его тоже в военную часть. Наступление немцев было стремительным, был взят ими Киев, Белая Церковь — и наша доктор потеряла связь и с мужем, и с сыном, и с мамой... Неотступные думы, как они живут, что с ними... всегда были с ней. Я ведь писала, что почти весь персонал из протезного отделения был эвакуирован из Киева. И, наконец, наступил тот момент, когда все они услышали сообщение по радио, что взят Киев обратно, нашими войсками, — освобожден. Нет слов передать, что творилось с этими людьми, они были настолько взволнованы, что это выявилось в поцелуях, объятиях, криках, словах, так шумно и громогласно, что весь госпиталь пришёл в движение. Каждый думал о своем, и всех их объединяла бесконечная радость... Но было одновременно и

горе при этом известии... Например, у доктора Богомоловой были погублены — расстреляны — все члены семьи: отец, брат, сестры, мать, все её дети, кроме одного сына, с которым ей удалось уехать на Урал, — она тоже работала в нашем госпитале. А у меня, при виде такой радости, всегда отчаянно сжималось сердце — а Алёши нет — нет... нет — я не увижу его.

А война всё продолжалась и продолжалась, а раненые всё поступали и поступали, были настолько изуродованные, что удивительно, как они в таком виде могли доехать с передовых позиций до Урала, до Челябинска. Правда, такое изуродованное лицо, когда оставался только один, прекрасный, красивый глаз, а другого глаза и носа совсем не было, вместо них была только зияющая рана... и говорить ему невозможно такому, а только мучительно стонать, таких изуродованных отправляли вскоре дальше на Восток, в Сибирь — во Владивосток. Там, якобы, можно было лечить спокойно и долго. Не знаю, право, почему туда. Ведь война потом продолжалась и с Японией, правда быстро закончилась.

Война дошла до наших границ, освободили и пошли дальше, до «логова зверя», — на Берлин. А сколько ещё раненых, сколько покалеченных, измученных людей... Конца края не было войне. Правда, стало много легче на душе, но сколько было отдано нервов и терзаний за то, как наши бились под Сталинградом, под Ленинградом...

Кстати, подруга Ирочки, Наташа — журналист впоследствии, приехала из Сталинграда с тракторного завода — её мама устроилась здесь в Челябинске у своей сестры Ольги Васильевны. Эта тётя Наташина все свои силы и здоровье потратила на своих племянниц, сестру и мужа. Мать Наташи, Капитолина Васильевна, потеряла мужа в войну, также как и я, работала она фармацевтом в областном аптеко-управлении, много раз ложилась в больницу с высоким кровяным давлением. Она умерла уже много лет назад. А в этом году умерла и Ольга Васильевна, её сестра и тётя Наташи Сикериной. Остался один дядя — как он себя чувствует сейчас — не знаю, и хотя он живет недалеко от нас, я его не встречаю на улице. Ольга Васильевна чрезвычайно была заботливой сестрой, женой и тётей. Пока она жила, всем помогала — всё держалось на ней. Все бы ещё жили до сих пор, если бы не было столько отягощенных войной всяческих обстоятельств и моментов. А теперь уже так много нет тех, кто мучительно тяжело работал в войну, переживал за все те травмы, что были принесены войной. Вот из наших родных: умер папа мой в 1945 году — август месяц; умерла Ольга Алексеевна от туберкулеза 1944 г.; умер мой брат Володя от диабета, полученного после войны, он был в танковом Уральском добровольческом корпусе — в 1971 г.; умер Григорий Алексеевич Шишов — от инфаркта — в 1973 году; умер Николай

Николаевич Дятлов — мой дядя — от инфаркта — 1971 г.; сестра Володи Ивашова — Тамара — 1973 г. — рак; Рейзельман — от инфаркта миокарда; мой брат двоюродный Леша Алфеев (сын папиного брата) — нашли мертвым на берегу Верхне-Исетского пруда. А сколько моих сослуживцев по работе уже нет на этом свете: Ф. И. Поляк — умерла за 4—5 часов всего от инфаркта 1973; Вера Васильевна — от рака; лаборант — от рака; терапевт — от рака пищевода и т. д. и т. д. и так уже много лет!

Наши войска начали освобождать Польшу, Чехословакию, Болгарию. В госпитале начали поговаривать о том, что скоро начнётся дислокация госпиталя, его со всеми сотрудниками будут отправлять или ближе к границам нашей Родины или же совсем в другую страну. И это оказалось реальностью. Вскоре меня вызвала начальник госпиталя к себе и предложила мне подумать о том, согласна ли я поехать вместе с госпиталем. Я мучительно и долго (по тому времени) думала. Так как я, конечно, ни на кого не могла оставить детей и поехать одной, то мне чуть ли не обещали предоставить отдельный вагон, чтобы в нем можно было жить как дома. Жить дома было тяжело, ехать с семьёй, детьми — так же трудно. Я колебалась — одно время стала даже складывать вещи, книги... но увидела что это слишком много и тяжело... Кроме того меня смущало, как это всё устроится с детьми там. Ну и в резуль-

тате — я струсилла, пошла вновь в районный комитет партии (они тогда этим делом управляли) и после длительных и упорных разговоров, меня оставили в Челябинске, передали в распоряжение облздравотдела.

А все остальные поехали на Запад, правда, те которые имели возможность оставить детей здесь на матерей, бабушек и т. д. Слышала, как некоторые врачи возвратились сюда после окончания войны разбогатевшими: приобрели и смогли провезти много вещей: гарнитуры мебели, пианино и т.п. Особенно отличилась одна из них по национальности татарка... Ну, Бог с ними... каждому своё.

Я же вернулась вновь на своё место работы в поликлинику завода Колющенко. Правда, должности отоляринголога тогда по штату там не полагалось и мне предложили новый зав. Поляк Ф. И. — работу зав. больницей Колющенко, где находились тогда дистрофики. Что мне оставалось тогда делать. Всё таки ½ ставки отоляринголога — мне тогда устроила Ф. И., а заведывание, которое для меня было тогда новым видом работы — мне не очень улыбалось, потому что это было связано с питанием, инвентарем, со штатом и т. д. — с административной работой, в которой я не была сведущей. Правда, благодаря одному обстоятельству (когда-нибудь позже расскажу об этом) я недолго была заведующей больницей и вскоре работала уже только на 1 ставку

отолярингологом а позднее и ещё на ½ ставки в другом учреждении (в городе). Очень длительное время я работала с 8 часов утра и до 6 часов вечера, всё по своей специальности, с перерывом на 1 час — на обед. Обедала дома с 2 до ½3. В это время я и видела обычно детей, Киру, Ирочку.

В 1946 году заболела Ирочка сыпным тифом, как сейчас помню, ей было тогда 14 лет, училась она тогда в девятом классе, — я придя домой, увидела её сидящей возле горячей батареи (отопления) — скорчившейся в комочек, — я удивилась, почему она так сидит, оказалось, что у неё очень болела голова и ей было очень холодно (озноб), температура у неё была 40! Вот и в наш дом докатилась сыпнотифозная инфекция. Оказывается у них в школе заболела учительница и несколько учеников из её класса — сыпным тифом. Пришла в голову мысль, что уже после окончания войны, — когда в воздухе ещё носилась мысль о том, что теперь нужно оформлять проделанную работу и полученный опыт работы над лечением раненых — многие врачи, работающие в клиниках, решили воспользоваться материалами (историями болезней) собранными в архивах госпиталей. Так работу нашего отделения, о чём я узнала позже, разбирала один ассистент из клиники Лор (тогда там был зав.кафедрой проф. Гинзбург) — которая на моём материале и защитила диссертацию на тему — лечение огнестрельных ранений в ВОВ — лорорганов. Помню, мне тогда об этом

что-то говорила Надежда Семёновна Михеева (начальник госпиталя) — не буду ли я сама разрабатывать этот материал, но по вполне понятной причине — я в то время совершенно далека была от этой возможности.

Про Череваткину Софью Илларионовну, которая была начмедом (начальник медицинской части госпиталя) первая помощница Михеевой Н. С.

Это были — её муж Череваткин Георгий Н., уважаемые врачи и очень известные во время до войны в г. Челябинске. Она была участковым терапевтом в поликлинике Колющенко, а он работал тоже терапевтом в медсанчасти ЧМВД. Софья Илларионовна была худая, высокая женщина строгая на вид, очень строго одетая. Ещё Алёша после первой встречи когда пришлось её видеть ему как-то при чьих-то проводах на вокзале мне сказал: «Это какой-то синий чулок!» — работала в поликлинике врачом так, как сейчас врачи не работают! Она очень спокойно, деловито расспрашивала больного о его жалобах, не прерывая и не торопясь, — очень внимательно его исследовала — пульс, дыхание, тщательно прослушивала его грудь, спину, смотрела живот, ноги, кожу и т. д. А сердце выслушивала так тщательно, вплоть до функциональной пробы — лёжа, сидя, после приседаний 10 раз и т. д. Одним словом, как тогда учили и меня в свое время в универ-

ситете в Перми. Совсем теперь по другому исследуют современные молодые врачи: они сердце слушают лишь в одной точке, пульс совсем не проверяют, а функциональное исследование даже и вовсе никогда. Они могут даже и слушать больного и в это время рассказывать или даже спрашивать кого-либо другого одновременно! Одним словом, С. И. была очень внимательным врачом, серьёзно и тщательно с постоянным интересом заботящаяся о больных и, понятно, что её любили, уважали и она была очень знающим и уважаемым врачом. Ещё помню, как она высокая, подтянутая, сидела в коляске и разъезжала с кучером на лошадке по участку, обслуживая больных на дому. Тогда ещё было время когда врачи не бегали по участку как теперь, но и машин не было, а был экипаж, в котором и возили врача.

С Георгием Н. Череваткиным — высоким, полным, довольно красивым человеком — он работал терапевтом, мне приходилось работать в военной комиссии от облвоенкомата вместе. Мы ездили тогда с ним, с неврологом, с глазником обследовали призывников в г. Кургане. Почти всех этих врачей уже нет на свете.

Сам Георгий Николаевич вел работу в облвоенкомате в составе члена областной военной комиссии и комиссовал призываемых в состав армии. Так ему пришлось комиссовать и своего сына, который хотел быть лётчиком. Я слышала, что у сына было тогда не очень хорошо со

здоровьем и было возможно его по состоянию сердца забраковать (функциональный невроз), но сам отец решил, что нельзя ему это делать — и сын пошёл в армию. Он погиб в Отечественную Войну.

На днях я была в 1-й школе в городе, где учился мой внук — Алёшинька. Было ещё довольно светло. Я с интересом рассматривала памятник очень своеобразно вылепленный по своей какой-то особенно стремительной экспрессии (памятник погибшим в ВОВ бывшим ученикам 1й школы). И что же? Переведя свой взгляд с этого памятника, я стала рассматривать гранитные плиты, выставленные позади памятника, ближе к стене школы. Их много — числом до 10 штук. На каждой из них фамилии погибших учащихся. Читая их, незнакомые для меня фамилии, я наткнулась на самую крайнюю из них — ближе к дверям школы, в верхней строке на этой плите значилась фамилия: Череваткин... Н. — несомненно это сын погибший — Софьи Илларионовны. Нет — сына её не забудут, он будет жить вечно, пока существует эта школа и эти памятные плиты.

Возвращаюсь к болезни Ирочки в 1946 году.

Пришлось Иришу отвезти в больницу, подали санки обыкновенные деревенские дроги — розвальни, как они назывались (в которые я помню ещё по детским впечатлениям возили по 5—6 мешков муки по тракту целыми обозами в го-

род. На перекатах дроги заводило в сторону, а лошади шли шагом, такой обоз в 10—15 лошадей, приходилось объезжать долго и трудно — помню это ещё и потому времени, когда меня и Олиньку, отвозил в школу кучер с завода в гимназию, где мы учились в г. Екатеринбурге).

Так вот в этих дрогах... (помните картину «У кабака») — повезла я мою доченьку в больницу. Тогда в больницу завода Колющенко, где лежали дистрофики, стали лечить больных сыпным тифом. Она была расположена в барачном низком помещении, отапливаемом печками. Я, конечно, продолжала работать, за Ирочкой ухаживал персонал, сестры мне говорили, до чего же хорошо вела себя с ними Ирочка: терпеливо, ни на что не жаловалась, хотя и страшно страдала от сильнейшей головной боли. Очень помогла её тогда Лёля Дятлова. Она жила почти рядом с баракком в своём доме и приносила Ирочке часто передачу — особенно клюквенный морс и кисель. Тогда помню у нас появились в городе апельсины, на счастье Ирочки и она у нас поправилась. Фаня Израилевна Поляк, которая тогда была заведующей больницей и невропатологом говорила мне, что Ирочку нужно освободить на ½ года — один год от школы... потому что сыпнотифозная инфекция даёт очень часто осложнения и главным образом на центральную нервную систему. Ирочка заболела в декабре, перед зимними каникулами. Все каникулы она пролежала в больнице, а выйдя

из больницы, она ещё некоторое время пробыла дома, а потом пошла в школу, год учебный она закончила как всегда хорошо.

Буквально на этих днях встретила в автобусе пожилого человека в очках, в весьма поношенной одежде и с каким-то особенным запахом несвежего воздуха... — он обращаясь ко мне и садясь напротив, спросил: Вы врач Алфёрова? — Я самая — отвечала я, зная, что мою фамилию всегда так путали. «А я Вас знаю, я был бухгалтером, когда Вы работали в колющенской больнице. С тех пор прошло 30 лет!? И человек меня узнал, а я его совершенно не помнила. Пока ехали, говорили и вспоминали общих знакомых... 30 лет прошло и люди помнят — удивительно — главное — узнают!

ОТ СЫНА — СОСТАВИТЕЛЯ

На этом эпизоде кончаются военные воспоминания Надежды Васильевны Алфеевой — Шишовой, нашей матери, супруги Алексея Алексеевича Шишова.

Их дополняют ранее опубликованные документы (фронтовые письма, литературные опыты нашего отца и подробные комментарии, написанные в 2005—2010 гг. дочерью — Ириной Алексеевной Шишовой — Садовниковой (1932—2013 гг.) и его сыном Кириллом Шишовым —

автором-составителем книги «Алексей Шишов Литературное наследие. Апология». Челябинск : Издание Татьяны Лурье, 2010. 280 с.

Краткие биографические данные

АЛФЕЕВА НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА родилась 26 мая 1904 года в г. Златоусте Челябинской области — умерла в 1996 г. в возрасте 92 лет.

Мать Алфеева Антонина Григорьевна (14.03.1881 г. — 1 марта по старому стилю — 25.08.1980 г. в 99 лет).

Отец — Алфеев Василий Григорьевич (1872 —1945 гг.)

Окончила 3-ю школу II ступени в г. Екатеринбург в 1921 году. Затем окончила медицинский факультет Пермского университета по специальности «врач — отоларинголог» в 1926 году. Пройшла клиническую специализацию в Ленинграде в медакадемии в 1928—1929 годах.

Вышла замуж за Шишова Алексея Алексеевича 4 августа 1928 года в г. Екатеринбург.

С 1926 по 1936 год работала врачом по найму (9 лет 11 месяцев).

С 1936 г. (с 10 ноября) по 1939 г. (19 июня) работала ассистентом клиники уха, горла и носа в Архангельском медицинском институте.

С 1939 г по 1941 г. — (с 8 августа по 23 июня) — врач-отоларинголог поликлинической больницы завода им. Колющенко в г. Челябинске.

С 23.06.1941 г. — начальник отделения челюстно-лицевого эвакогоспиталя № 3883 в г. Челябинске.

С 02.10.1944 г. по 18.02.1967 г. — врач-отоларинголог поликлиники завода им. Колющенко в г. Челябинске.

С 1957 года — пенсионер, работающий по специальности.

С 1967 г. по 1969 г. — врач-отоларинголог в Челябинском высшем танковом училище.

Награждена медалями:

— «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (вручена 13.04.46 г.)

— «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (вручена 31.10.75 г.)

— «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (вручена 20.12.85 г.)

— «Пятьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (вручена 22.03.95 г.)

Дети:

Дочь — Шишова — Садовникова Ирина Алексеевна (1932—2013 гг.)

Внук — Садовников Константин Александрович (родился в 1955 г.)

Сын — Шишов Кирилл Алексеевич (род.
19.11.1940 г.)

Внуки:

Шишов Алексей Кириллович (родился в
1965 г.)

Шишова Анна Кирилловна (родилась в
1973 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

СОН НА 1 АПРЕЛЯ 2012 ГОДА	3
МАШИНА КОСИЧКА	5
МОЙ ГОРОД	6
ПОСЛЕ КАРАБАША	6
ГОВОРIT ДИРЕКТОР БИБЛИОТЕКИ:	7
ПОСЛЕ РАЗГРОМА СТЁКОЛ (В ДЕРЕВЕНСКОМ ДОМЕ МОЁМ)	8
«Дары веселья юности моей...»	9
ДВЕ ДЕВОЧКИ	9
НАЕЗДНИЦА (триптих)	
«Она лежала, отмахав со мной...»	11
«Когда под стать любые расстоянья...»	11
«Пусть даст простор для озаренья странствий...» ...	12
ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ (триптих)	
«Пасхальной ночи никогда не знав...»	13
«Как только звезды в космосе растут...»	13
«Да, в эту ночь и я восстал из тлена...»	14
СТАРЫЕ КНИГИ ЮНОСТИ	15
«Как чудесна череда...»	16
«Засохшей яблони скелет...»	16
ДРЕВНИЙ ТОННЕЛЬ (новелла)	17
«ЧЕРТОПОЛОХ»	
(к/ф Джек Николсон и Мэрил Стрип)	22
МОЕМУ ГЕНИАЛЬНОМУ ЗЕМЛЯКУ	22
«Как я люблю сжигать ушедший год...»	24

ЧИТАЯ МАТЕРИ ДНЕВНИК

(ночной триптих)

«Читая Матери дневник...»	25
«Зачем нам было всё-равно...»	25
«Ни их тоски. Ни их печали...»	26
МОЛИТВА О ПАМЯТИ МАТЕРИ	27
ИЗ ДНЕВНИКОВ МАМОЧКИ ОТ 1982 ГОДА	27
ДРЕВНИЙ СОБОР В КЫШТЫМЕ	30
«Сирень мгновенно отцветает...»	32
ДРЕВНЕ-ВИЗАНТИЙСКОЕ (нетрезвая запись) ...	32
ВИЗАНТИЯ 2012 ГОДА	33
О ФЛЮРЕ	34
«Прославлена вовеки Флюра...»	35
ФУРШЕТ 2012	35
«О, кашель ежедневный Флюры...»	36
«Худое тело. Утлые ключицы...»	36

ТРИПТИХ КОРОТКОГО РАССТАВАНИЯ

«Два сердца — чудное единство...»	37
«Да, древней чуткости натура...»	38
«Как чаемая в детстве сказка...»	38

ВЫБОР СУДЬБЫ (цикл)

«Есть Бог и Дьявол.. Между ними — мы...»	39
«Возможно, это нужен дар особый...»	40
«Другие уверяют: дух Познания...»	40
«Подземные реки. Подземные клады...»	41
ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ (в конце мая)	41
РАССКАЗ МОДЕСТА ФОКИНА	42

МОЛОКО РОССИИ (диптих)

«О! Молоко любимой родины...»	44
-------------------------------------	----

«Как степь пахучая, поблёклая...»	44
ДОМАШНИЙ НАТЮРМОРТ	45
СУХОЙ ВИНОГРАД МИЛЫ	46
В ОЖИДАНИИ ТЕБЯ	46
А СБУДЕТСЯ ЛИ ЭТО... (новелла)	47

ЛЮБОВЬ В ГРОЗУ (диптих)

«Живём как в древних временах...»	52
«Закат пестреет, как рядно...»	52
ВОЛШЕБНИЦА	53
ВЫГОН СКОТА УТРОМ	54

СОЛИДАРНОСТЬ ПРИРОДЫ (диптих)

«Отцвёл шиповник и расцвёл жасмин...»	55
«В природе есть, конечно, солидарность...»	55
СОЧУВСТВИЕ	56

СОНЕТ НОЧНОГО ДОЖДЯ

«Родная женщина моя...»	58
РАССТАВАНИЕ С ГРУШЕЙ	58
НОЧНОЙ ЭКСПРОМТ (после дождя)	59

ДОЖДЬ ПЕРЕСТАЛ

СОН ПОСЛЕ ДОЖДЯ В ИЮНЕ

НЕУРЯДИЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСУЩНОМ

КОММЕНТАРИИ К «НЕУРЯДИЦАМ», КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ... (эпизод)	64
--	----

ДРЕВНЯЯ ТЯГА (диптих)

«Почему так влечёт твоё лоном...»	66
«Мы не знаем износа и срока...»	66
ОПЯТЬ НА РОССТАНЯХ	67

СКОЛЬКО ТЫ СДЕЛАТЬ УСПЕЛА.....	68
НОЧЬ БЕЗ НЕЁ.....	68
МАРУСЯ К ШЕСТИ ГОДАМ.....	69
ГОЛУБКА ИЛИ ГОЛУБОК?.....	70
СПОР О ТЕРМИНАХ.....	71
ПРИРОДА ВРАСПЛОХ.....	72
«Совместно делаешь пять дел...»	73
ВСЁ ТАК НЕКСТАТИ.....	74
ОПАСНЫЙ ДУШ (монолог Маши)	75
КОГДА.....	75
МАША В ЛЕСУ	76
ГРАВЮРА.....	77
ИНТРИГИ	78
СТИХОТВОРЕНЬЕ ПРО МАШИНО ВАРЕНЬЕ	78
ДИАЛОГ ПРОРОКА С НИМ...	82
БАЛЛАДА О ГУСИНОМ ПЕРЕ	84
МАШИНЫ РЕГАЛИИ.....	86
ПОЛУЗВЁЗДНАЯ ЖЕНЩИНА (парафраз И. Анненскому)	88
ГОРНИЕ ВЕРШИНЫ МЫСЛИ (фрагменты)	90
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ В ВАРЛАМОВО	
«Ах, эта близость после сна...»	93
СЫНОВЬЯ СЫНОВЕЙ.....	93
«Голубица надо мною...»	95
ИЗГНАНИЕ НЕЧЕСТИВЫХ (филиппика).....	95
НАКАЗАННЫЙ БЕЗДЕЛЬНИК (триптих)	
За что страдают старики...»	96

«Да. Юность к этому не склонна...»	97
«От вас им тошно. Даже скучно...».....	97

КРУШЕНЬЕ МИРА (триптих)

«Когда распался в мире атом...»	98
«Предвидя горести и войны...»	99
«Пусть слабость лишена притона...»	99

ЛЕТНИЙ ОТДЫХ (диптих)

«Мы отдыхали возле степи...»	100
«Да, климат тот же. Вот досада...»	100

БАЛАНС ПРИРОДЫ (триптих)

«Наверно, есть в природе строгий счёт...»	102
«Конечно, Суд природы ненавидим...»	102
«Да, ни к чему молитвы и отваги...»	103

ПУШКИН И ПУШИН	105
НА ЗАХОДЕ СОЛНЦА	106

ОЧАРОВАНИЕ РОДИНЫ (диптих)

«Этот ветер с запахом сосны...»	107
«Избранные мы — пусть на мгновенье...»	107

ФЛЮРА В ВАРЛАМОВО (триптих)

«Там, где каждая примета...»	108
«Говорю тебе стократно...»	109
«Улыбаюсь я счастливо...»	109

«Смиренно-мудрая сестра...»	110
«Расставание — как вежа...»	111
«Наливаю я до краю...»	112
«Оцепенение проходит...»	112
«Сдержал я гнев свой. И наградам.....	113

ДВЕ БОГАТЫРКИ (триптих)

«Две богатырки — внученьки мои...»	115
«Да, этой радости жена моя не знала...»	115
«Да, я рыдаю в горести видений...»	116
ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ БУХАРИНА	117

МОЙ ДОЛГ (триптих)

«Я поступил на службу своим детям...»	117
«В те годы, слава Богу, быв не слаб...»	118
«Житейский постигая смысл науки...»	118

ДВА ПОСЛАНИЯ МИХАИЛУ ГРАММУ

Первое послание	119
Второе послание	121

СТАРЫЙ САД — 2

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ РАДЫГИНОЙ	123
«О! Суровость пришедшего века...»	124

ГОВОРIT ПРОФЕССОР МАХНЮКЕВИЧ

«Бессмертны лишь наши морды...»	125
---------------------------------	-----

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ

СТИХИ К ФЛЮРЕ. ОПЯТЬ (цикл)

«Как упоительны в России вечера...»	126
«Как женщина всеильна в этом мире...»	127
«О, ласковая женщина моя...»	128
«Какою-то стихией голубой...»	128
«Ты надо мной, как купол парашюта...»	129

ПРИСЯГАЯ ЛЮБВИ (триптих)

«Остуда жизни незнакома мне...»	130
---------------------------------	-----

«Мы ценим каждое движение...»	130
«Сплетаемся, как стебли хмеля...»	131

СОЮЗ КРАСОТЫ С ЧИСТОЮ (триптих)

«В составе земного величья...»	132
«Подмечены взорами грека...»	132
«Да, подлостям мира контрастна...»	133
«Ложь и правда...»	134
«Стансы о Разуме...»	134
«Опыт с бочкой...»	136
«Послания памяти и дружбы...»	137
«ХОВАНЩИНА» — ГЕРГИЕВ — МУСОРГСКИЙ МАРФА И АНДРЕЙ (ПЁТР И ФЕВРОНИЯ?)	
«ПРИЯТЬ ВЕНЕЦ ОГНЕННЫЙ»	138

В ОГНЕННОМ ВЕНЦЕ (триптих)

«Приемля огненный венец...»	140
«Все неизбежные задачи...»	140
«Как кристаллические друзья...»	141
СКРИПКА СРЕДЬ ЛЕСА	142
Я И МАША. ПОД СОЗВЕЗДИЯМИ (диалог)	143
К ПРИЕЗДУ ФЛЮРЫ ИЗ ИТАЛИИ	144
ЛИСТОПАД	144
«Моя любимая дочурка...»	145

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

«Испания, Голландия, Россия...»	146
---------------------------------	-----

ЗИМНИЙ ЛЕС (триптих)

«Жить не могу без белизны...»	147
«Сопутствует ли нам виденье детства...»	147
«Да, только с ней мы оживаем вчуже...»	148
КОНЕЦ 12 ГОДА	149
ИТОЖА ГОД	150

АНКОР, ЕЩЁ АНКОР... (прыжок, ещё прыжок)	152
МАША И МАМА	153
БЮДЖЕТНЫЙ ОБРЫВ В США	154
МИР В КОНЦЕ 2012 ГОДА	155
ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СЫНА	157
Надежда Васильевна Алфеева	
ЗАПИСИ О МОЕЙ ЖИЗНИ В ВОЙНУ	158
ОТ СЫНА — СОСТАВИТЕЛЯ	199
КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ	200

Кирилл Алексеевич Шишов
«Гроза двенадцатого года»

Верстка В. Б. Феркель

Подписано в печать 20.09.13 г.
Формат 70×100/32. Гарнитура Лазурского.
Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 9,28.

Тираж 200 экз.

Издательство «Ицерио»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано типографии «Фотохудожник».
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155а.

